

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в клуб "Юнион"
состоится
Анонсвъездной биржи
въ этомъ домѣ вь стражѣСостоится въ Концертномъ Зданіи
Концертъ Мариі Ивановны ДолинойГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 2 (81).

Август. 2012 год.

СПЕЦВЫПУСК:
Лауреаты литературного конкурса
на "Зеленой волне"

2012

Есть город!

Александр Сергеевич Пушкин в "одесской главе" "Евгения Онегина" не только дал описание нашего города, он определил движение поэтической мысли на последующие два века. Неразрывна нить от "Там всё Европой дышит, веет" до названия первого сборника стихов Эдуарда Багрицкого "Юго-Запад"... Отзвуки пушкинских стихов, строф Багрицкого мы слышим в сегодняшней поэтической, прозаической традиции обращения к Одессе как к городу вольномыслия, городу раскрепощенности, легкости, иронии. И высочайшего достоинства, интеллигентности и карнавальности.

Думаю, никто и никогда не подсчитывал, сколько рассказов и стихов, романов и песен написано о том или другом городе. Но убежден, что если бы такой рейтинг начали составлять, Одесса оказалась бы среди лидеров. Этим и обусловлен успех конкурса "Есть город, который я вижу во сне", так как самых разных людей, живущих в разных странах, он побудил сесть к компьютеру (увы, не взять гусиное перо!) и прислать свои произведения об Одессе — в Одессу.

Первый Международный литературный конкурс "Есть город, который я вижу во сне" в рамках Международной книжной ярмарки "Зеленая волна" проведен общественной организацией "Агентство регионального развития" (Одесса) при поддержке Всемирного клуба одесситов и Объединения русских литераторов Америки. Целями конкурса стали укрепление культурных связей одесситов всех стран, объединение творческих усилий в сохранении и приумножении уникального духа многонациональной Одессы и, наконец, поиск одаренных литераторов, популяризация их творчества.

Признаюсь: устроители конкурса рассчитывали, что откликнутся литераторы, живущие вне Одессы, те, кто, как когда-то Семен Кирсанов, лишь во сне видели дворники и бульвары, Лестницу и Театр, море и лица людей родного города. Но откликнулись и одесситские поэты и прозаики, чтобы еще раз заявить о своей любви к Одессе.

Есть город! Именно так можно сказать, прочитав лучшие произведения авторов, ставших лауреатами. Есть город, который сохранил своеобразие, сколько бы его ни нивелировали, остался животворящим, рождающим талантливых людей.

Стихи и прозу лауреатов мы публикуем в этом спецвыпуске "Всемирных одесских новостей".

Лишь вторую и шестнадцатую страницы мы оставляем традиционными для нашей газеты. На второй — письма со всего мира в Клуб, на шестнадцатой — ироническое исследование. Но и эти страницы дополняют замысел устроителей конкурса, помогают ощутить уникальный дух Одессы.

Мы благодарим всех участников конкурса. Надеемся, что в следующем году многие из них тоже станут лауреатами, а в том, что конкурс станет традиционным, нас заверила председатель оргкомитета Международной книжной выставки-ярмарки "Зеленая волна" Галина Безикович.

Итак, первый конкурс завершен. Готовимся ко второму в 2013 году.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ,
редактор "Всемирных одесских новостей".

Здравствуйте, уважаемый Леонид Менделевич!

Я — Ольга Николаевна Белая — начальник отдела информации и использования документов Государственного архива Киевской области, кандидат исторических наук, влюбленная в Одессу с детства, дочь и внучка одесситов Бельх... Как мы с Вами договаривались летом, во время встречи во Всемирном клубе одесситов, высылаю 3 статьи для электронного справочника "Они оставили след в истории Одессы". Большое спасибо за быстрый ответ. С уважением и наилучшими пожеланиями Вам и коллективу замечательного Всемирного клуба одесситов (одесситы — это звучит гордо).

Уважаемый коллега!

Вас беспокоит Исупов Константин Глебович, проф. кафедры эстетики и этики Терцековского университета в Петербурге.

В январе на Вашем сайте был помещен материал, связанный с одесситом Соколянского, Марком Григорьевичем, который пребывает теперь в Любке. Мне известно, что Марк Григорьевич состоял в дружественной переписке с Марком Исуповичем Бентом, который работал в Челябинском университете, где и я с ним сотрудничал на одной кафедре четыре года.

Приходится говорить "работал", поскольку Марк Исупович недавно скончался.

Коллеги М.И. Бента в настоящее время собирают поминальный научно-мемориальный сборник и для этой цели пытаются разыскать корреспондентов, знакомых и друзей его.

Буду весьма благодарен, если Вы сообщите электронный адрес М.И. Соколянского, чтобы можно было обратиться к нему с соответствующими предложениями.

Простите за беспокойство, но Ваш сайт — пока единственная ниточка.

С уважением,

К. Исупов.

Здравствуйте, уважаемый Леонид!

Зовут меня Игорь Мерчанский, живу в Харькове. Обращаюсь к Вам, возможно, с несколько странной просьбой. Я хотел пообщаться с Михаилом Лойзером, но в Интернете его контактов, кроме телефона, не нашел. А по телефону всего не объяснишь. Если Вас не затруднит, переадресуйте ему это письмо по электронной почте.

Уважаемый Михаил! Из Интернета узнал, что Вы — хороший специалист по истории Одессы. Возможно, у Вас найдется какая-либо информация по фамилии Перозо за период от основания Одессы и до 1850 года. Перозо Павел (Паоло) эмигрировал в Одессу из Италии в начале XIX века. Он приходится мне прапрапрапрадедом по линии моей бабушки. Я знаю, что он был биржевым маклером и домовладельцем. Его дом по сей день стоит на улице Пушкинской, 45. Но хотелось бы узнать о нем побольше. Недавно в Интернете была информация от священника Храма Всех Святых о знаменитых людях, похороненных на старом одесском кладбище. Среди прочих там упоминается Николай Павлович Перозо, это мой прапрапрадед. Это информация солидная, так как в 1872 — 1873 годах он покинул Россию и поселился в Тенне, где и умер и там же похоронен в 1877 году. Там же есть веские подтверждения: в прошлом году моя сестра (дальняя родственница), также правнучка Перозо, была в Тенне. И прислала мне фотографии с места захоронения Николая Павловича Перозо. На надгробной плите — те же даты, что и в материалах священника Храма Всех Святых. Я общался с этим священником по телефону, на мой вопрос, как такое возможно, он ответил, что все материалы взяты из архивов. Большие внятия он объяснить ничего не смог. Но, что Николай некоторое время учился в Римском лицее и, возможно, был там какое-то время преподавателем, ни о чем не говорит. В 1853 году он уже проживал в Санкт-Петербурге, был потомственным почетным гражданином и писателем на экономи-

Тема письма: ищу информацию о Жаке Андреевиче Науме, жителе Одессы начала XX века, для его мемуаров

Уважаемый г-н Рукман!

Обратиться к Вам меня побудила просьба моего хорошего знакомого Юсифа Наума, племянника Жака Андреевича Наума, проживавшего в Одессе, на Военном спуске, в начале прошлого века и бывшего, по всей видимости, весьма знаменитой личностью Вашего прекрасного города (не считайте за лестное — да нет, конечно, это чистой воды лестное! — город у Вас действительно прекрасен!). Мой

знакомый является гражданином Германии и Ливана, как когда-то и его дядя. Юсиф Наум собирается посетить Одессу через две недели — так как возрастает он уже почтенного, эта поездка будет, вероятно, первым и последним визитом в Одессу. Адрес дома по Военному спуску (найденный в статье Вашего соратника по клубу Олега Тубаря — <http://www.tour-odessa.com/apsha/voennij-spusk>) и карту я ему, конечно, распечатаю и объясню по возможности, как ему туда добраться.

Большее количество о его дяде, к сожалению, через Интернет не отыскалось. Может,

С уважением, Мерчанский Игорь.

Меня зовут Сергей.

Хочу выразить Вам большую благодарность за создание такого интересного и полезного сайта. Сейчас в Интернете не так просто найти что-то хорошее. Сайт действительно очень приятен визуально, особенно хочу отметить его содержание. Надеюсь, Ваш сайт будет развиваться и пополняться новыми материалами, с удовольствием буду его регулярно посещать. Всех Вам благ в развитии столь выделяющегося ресурса!

У меня есть свой сайт. Он размещен в двух рубриках: "Изобразительные искусства" и "Скульптура".

Предлагаю совершить обмен ссылками между нашими сайтами...

Надеюсь на положительный ответ и взаимовыгодное сотрудничество.

С уважением, Сергей Sotnikov.

Уважаемый Леонид, дорогой Директор!

Хочется поздравить Валентину Степановну с днем рождения, к сожалению, оба ее адреса не принимают писем... Надеюсь сделать это через Вас, так надежнее...))

Спасибо, что Вы есть!

Валентина Степановна, дорогая! С днем рождения Вас! Желаю Вам отличного настроения в этот день и во все последующие годы. Жить на лучшей стороне жизни — в любви, в искусстве, в красоте мира. Мы всегда с благодарностью вспоминаем моменты нашей жизни, связанные с Вами. Эти воспоминания украшают жизнь и приносят с собой радость. Обнимаем Вас. Привет от нас Евгению Михайловичу и Анечке. Счастья и здоровья!

Ваши Качаевы.

Дорогой Леонид!

Как Вы поживаете, как Ваше здоровье? Хочу Вас поздравить с новым обликом сайта. Он смотрится элегантно, в жанре классики, то есть так, как должен выглядеть вход, пусть и виртуальный, в нашу Одессу. Замечательно.

Здравствуйте, уважаемый Леонид!

(Прошу прощения, что называю Вас по имени. За почти 10 лет жизни в Германии начисто отвык от отчества.)

Вы упоминаете в своей рассылке имя художника Ефима Ладженского. Это мой родной дядя, родной брат моего отца. Дочь Ефима Ладженского, Виктория Ладженская, моя двоюродная сестра, живет в Израиле, издает альбомы с репродукциями своего отца, организует в различных странах выставки его работ. Но Виктория не одесситка, она репатрировалась в Израиль в 1978 г. из Москвы.

В этом году исполняется 30 лет со дня ухода Ефима Ладженского из жизни.

Сайт, ссылку на который Вы мне прислали, почему-то не открылся у меня. Как бы мне ознакомиться с книгой Бабея, в которой помещены графические работы моего дяди, хотя бы пока в электронном виде?

Буду очень признателен за ответ и помощь.

С уважением и самыми добрыми пожеланиями — Григорий Ладженский.

Знакомый является гражданином Германии и Ливана, как когда-то и его дядя.

Юсиф Наум собирается посетить Одессу через две недели — так как возрастает он уже почтенного, эта поездка будет, вероятно, первым и последним визитом в Одессу. Адрес дома по Военному спуску (найденный в статье Вашего соратника по клубу Олега Тубаря — <http://www.tour-odessa.com/apsha/voennij-spusk>) и карту я ему, конечно, распечатаю и объясню по возможности, как ему туда добраться.

Большее количество о его дяде, к сожалению, через Интернет не отыскалось. Может,

Доброго времени суток!!!

Достойные господа, посетив сайт, я был приятно удивлен: все очень удачно и оригинально, спасибо за вашу деятельность.

С глубоким уважением, Дмитрий.

Уважаемый Леонид!

Презрительное спасибо за присланный новый сайт ВКО. Неделю читаю все подряд! Пока рыскаю по сайту, но разберусь! Конечно, он стал наряднее. Много слов, но пока только СПАСИБО!

С уважением, Ваим Авлошенко.

Уважаемый Леонид!

Большое спасибо! С особым интересом просмотрел все об открытии памятника Исааку Бабею. Место, где теперь стоит этот памятник, для меня очень памятно. Дело в том, что я учился в школе № 4, которая располагалась в жилом доме на ул. Жуковского, между Пушкинской и Ленина. В 1949 г., после 7-го класса, я ушел в техникум, а вся моя школа была переведена в новое здание и получила № 117.

Школа № 4 отличалась тем, что туда учеников переводили из других школ Одессы за "особые заслуги по поведению". Так и я попал в эту школу после ряда "дисциплинарных достижений" в других школах. Из школы № 4 особенно "выдающихся" учеников могли "выставить" только в РЗО.

Но в школе № 4, а затем в № 117 были чудесные учителя и очень сильный директор Анна Алексеевна (фамилию я, к сожалению, не помню), которую все ученики боялись и уважали. Благодаря Анне Алексеевне в новом здании школы № 117 быстро приобрела авторитет одной из лучших школ города.

Жаль, что уже без меня или благодаря этому. Еще раз спасибо за Ваше внимание! Хочу надеяться, что смогу еще побывать в Одессе и обязательно сфотографировать возле памятника одну из любимых мной писателей.

Ваш Т.Д. Тамра, член харьковской диаспоры.

Уважаемый господин Рукман!

Меня зовут Елена Скамняк дель Мурго, я переводчик и писатель, москвичка, но вот уже много лет живу и работаю в Италии, а именно на Сицилии.

Дело в том, что я сейчас работаю над одной исторической книгой и мне необходимо узнать как можно больше о внебрачном сыне князя Виктора Павловича Кочубя Павле Яковлевиче Морини, который всю жизнь прожил в Одессе. Его мама была итальянкой, а как ее звали?

Может, сможете мне помочь в этом вопросе. И вот еще — возможно ли в электронном варианте прочесть воспоминания Михаила Феликсавича Дерибаса?

Я буду очень вам признательна, если поможете мне в этом, уважаемый Леонид.

Приезжайте к нам в гости на Сицилию. У нас большой дом, и мы гостям всегда очень рады.

С уважением, баронесса Елена Скамняк дель Мурго.

Уважаемый господин Рукман!

Огромное Вам спасибо. Меня потрясла весть о том, что Вы выставили полностью на сайт Всемирного клуба одесситов мою книгу ("820 дней в подземелье").

Моя книга — это мое свидетельство, это еще один обвинительный документ трагической летописи Холокоста. Пусть нигде и никогда не повторится Холокост!

С уважением, Люся Калика.

Уважаемый Евгений Михайлович!

Зозуля — мужской писатель. Потрясающий писатель! Боюсь ошибиться — от этого знакомства еще голова кругом идет, но такое чувство, что мы еще о нем услышим. Листая предисловие, но не могу найти упоминания о переводах, хотя вроде бы где-то мелькало (в Интернете?). Если были, ужасно хотелось бы почитать, что там пишут о нем западные литературоведы. Евг. Мих., отлично понимаю Ваше желание дать актуального, предоставляющего от упоминаний Зозулю, но меня он глубже всего задел там, где конфликт не сужен цинизмом и трагедией революции. "Подвиг гражданина Колыцкого" — ведь это на все времена. Сменю, убого, странно. Человеческая комедия. Пародия на человеческую память. На "человек — это звучит гордо". На нелепость, но и неодолимость тяги к высокому. А "Исход"? Жгучий рассказ о невозможности как прославления, так и проклятия "безумства храбрых". Аки, конечно, больше всего похож на Ленина. И теперь, после Вик. Ерофеева, Курехина, Митюков, похож в куде. Проскальзывает подозрение: не читали ли наши постмодернисты Зозулю? Но, думаю, все еще любопытнее: Зозуля подсознательно предугадывал варианты пародийных модификаций его героя. И все-таки сейчас, когда выросло поколение, очень мало интересующееся Лениным, злободневнее чисто вымышленный портрет "светлой личности" и схемы ее действий в предположенных обстоятельствах. Очень удачно выстроена последовательность рассказов. Не указаны даты написания там, где они неизвестны? Колу Зозуля передал свой архив? Что со вторыми неоконченными романами? Не отделиться от ощущения, что его жанр — рассказы. И неоконченность романов связана не только с неблагоприятными внешними обстоятельствами. Читаю "Мастерскую человека" с ностальгией, потому что уже прочитала рассказы. Но не уйти от ощущения вазкости, излишней разжеванности, многословия. В рассказах каждое слово на месте. А тут... Соблазна написать роман трудно сопротивляться даже и сильному человеку. Один из возможных результатов — "Драма на охоте".

Увидела тираж Зозули. Потом Вам, В. С. Вспоминился "Киторок в степи". Помните чудный урожай Бачев и попытки продать вишню через посредничество талстой дамы с жирными пальцами? Дама, презрительно все осматривая, согласилась купить все за 100 рублей. Это была катастрофа! Но кто-то (Таврик?) подсказал спасительный выход, и вся семья отправилась на базар. На торгующих чуть не на тысячу.

Невольно приходишь на ум Лавка писателей, кооперативное изд-во писателей в Ленинграде. У вас ведь и место для прямого контакта писателей имеется — Клуб.

Вера Кобец, прозаик, переводчик. Санкт-Петербург.

Из статьи:

Военный спуск в своей истории сменял множество названий. Причина довольно простая. Отсюда начиналась одна из самых главных транспортных артерий, соединявшая город с Практической (Военной) гаванью... В следующем доме, № 3, принадлежавшем Жаку Андреевичу Науму, находилось представительство Русского общества слепых, обеспечивавшее порт соответствующими сортами. ОЛЕГ ТУБАРЬ, историк, краевед. "Региональный курьер", 2007 г., №№ 10, 11, 12

Вы сможете посоветовать мне, есть ли смысл обратиться в городской архив, возможно, сохранились фотографии или газеты того времени. Все затрудняет тот факт, что Юсиф говорит только по-арабски и по-немецки, его жена владеет, однако, и разговорным английским.

Не могли бы Вы помочь мне советом, что стоит предпринять чете Наумов для того, чтобы найти хоть какие-то следы их родственных?

Заранее Вам благодарна!

С уважением,

Нахалья Севастьянова.

Олег БУХАРЦЕВ ЗИМА В ОДЕССЕ

В Одессе зима, и в воздухе пикантно пахнет недостроенным социализмом.

В Одессе зима, и так хочется себе изменить, но не с кем.

В Одессе зима, и мозг плавится от мыслей и стынет от их понимания, и в связи с этим невозможно удержать в нем постоянную температуру.

В Одессе зима, и так хочется согреть руки, обнимая женщину, которая вряд ли позволит это сделать холодными руками.

В Одессе зима, и весна в воспоминаниях так назойлива.

В Одессе зима...

Это не та классическая зима, которая бывает в отморозенной сибирской глубинке или на футбольных просторах Аляски, где снег и морозы зимой воспринимаются как должное.

В Одессе зима, а для этого достаточно, как считается здесь, лопаты снега и нескольких градусов мороза. Хотя чаще вместо лопаты снега природа использует ведро воды. И этого тоже достаточно.

Такой зимы нет нигде. Это чисто "одесская" зима. Это нужно чувствовать.

В Одессе зима, и уже расправленные дворники преимущественно женского пола, окутанные паром, со свистом вылетающим из всех дыр стареньких телогреек, монотонно поднимают и опускают свои пудовые ломы — эти незатейливые орудия производства, давно забытые цивилизованным миром, — и вот уже на месте сколотого льда рваными ранами ученических клякс обнажаются островки тротуарной плитки, еще более скользкой, чем сам лед. И недовольно падающие пешеходы требуют у дворников посыпать плитку песком или вернуть лед, как говорят в Одессе, "взад". При этом непробиваемые дворники дружно огрызаются.

В Одессе зима, и розовый, как попка ребенка, железнодорожный вокзал, беременный набившимися в него пока еще потенциальными пассажирами и уже не потенциальными бомжами, ждет очередной опаздывающий замурзанный поезд. А поезд, застрявший где-то в промежуности между Котовском и Раздельной, никак не может доехать до Одессы, не вписавшись в графики других поездов, которые, в свою очередь, не вписываются в графики следующих, что приводит к своеобразной цепной реакции опозданий, от чего "болят" головы у встречающих. И это, в свою очередь, передается (иногда в не очень церемонных выражениях) работникам вокзала, что опять же приводит к своеобразной цепной реакции.

В Одессе зима, и троллейбусы устроили стоячую забастовку, почему-то отказываясь ехать без тока. Они — явно в знак протеста — постоянно пытаются раздвинуть колеса на обработанном до зеркального блеска льду и, слегка присев в изысканном реверансе, ударить об игриво проглядывающий местами асфальт своими не достающими до земли и кривыми, как дужки очков, штангами. В это время в набитых людьми троллейбусных чревах рождается догматическая мысль, что здесь единственное место, где близость мужчин и женщин их разъединяет.

В Одессе зима, и как можно не сказать о зимних одесских пляжах?!

Ланжерон встречает выпученными и слегка раскосыми от мороза глазами в виде двух больших белых шаров и удивленно криво улыбается дрожащим прибором. Море упорно пытается замерзнуть, и неуклюжие чайки соскальзывают с пирса в него околоченными тушками.

Группа жизнерадостных "моржей", тряся "окорочками", намеревается залезть в воду.

Мужчины отличаются от женщин только отсутствием верхней части купального костюма. Телесные формы не утомляют разнообразием, и кажется, что их называют "моржами" не за зимние купания, а за наличие значительной жировой прослойки, которая им не только не мешает, а очень даже нравится. О мужчинах лучше не говорить. Но, если посмотреть на женщин, то однозначно: художники эпохи Ренессанса очень бы пожалели, что не дожили до наших дней; и нет на свете недостатка, который в определенной ситуации не смог бы стать достоинством, и наоборот.

А со старенького, не убранного с лета одинокого деревянного топчана на них без всякого интереса смотрит коренной одессит дядя Миша. Эту картину он наблюдает каждый день после того, как сказал жене, что записался в "моржовый" клуб. Дядя Миша, подняв воротник и нахлобучив шапку по самые брови, от размеров и густоты которых ностальгически веет временами застоя, достает из старой потрепанной матерчатой торбочки, которая, видимо, помнит еще II съезд Коминтерна, непечатую бутылку водки и с мастерством иллюзиониста двумя пальцами шутя открывает ее. Дэвид Копперфилд, увидев этот трюк, от зависти залился бы горячими слезами. Затем он наливает водку в стакан, который достает из той же торбочки, и медленно пьет. При этом кадык его ходит туда-сюда, как поршень насоса, закачивающего жидкость в иссохший резервуар. Закончив первую часть священного ритуала, он достает все из той же бездонной торбочки бутерброд, завернутый в пожелтевший номер газеты "Знамя коммунизма" за 1968-й год, и медленно кусает его за удобное место. При этом бутерброд своими размерами, формой и содержанием напаминает старый и потрескавшийся башмак Гулливера, уроненный в бочку с тюлькой. Закончив с бутербродом, он наливает второй стакан и совершает повторный обряд принятия живительной влаги. На этот раз движения его уже не так тверды и решительны. Затем он медленно раздевается до умопомрачительно-великолепных семейных трусов в "жовто-блакитных" орхидеях и смело направляется к морю. Он останавливается у воды и ждет, чтобы не он попробовал воду, а вода сама попробовала его. И она его пробует. И это дяде Мише не нравится, и похоже, что это взаимно. Охлажденный пыл разворачивает его тело на 180 градусов и толкает мягким пинком в сторону топчана. Дядя Миша, уже не применяя надоевший стакан, приняв позу пионера-горниста, из горлышка медленно допивает остаток водки, быстро одевается и, слегка покачиваясь, как старый "морской волк", не спеша уходит, при этом искренне не завидуя "моржам", и они ему так же искренне отвечают взаимностью. Ланжерон рыбами глазами белых шаров смотрит ему вслед с надеждой на завтрашнюю встречу. И мужское достоинство дяди Миши, уничтоженное безжалостным временем, болезненно страдает.

В Одессе зима, и где-то в заснеженном зоопарке, как всегда, находящемся у вечного "Привоза", дети с растопыренными одеждами руками, похожие на пингинов, и пингины, растопыренные от природы по жизни, похожие на детей, сосредоточенно смотрят друг на друга немигающими от удивления глазами, видимо, странно угадывая какие-то забытые родственные связи.

И на Приморском бульваре тоже, как ни странно, зима.

Остекленевшие деревья, задумчиво глядя куда-то внутрь себя, скрипят, качаются на ветру, создавая звук, одновременно напоминающий скрип кавалеристских штанов и визг неуютимой студенческой кровати.

Заиндевшая пучеглазая ворона с явно выраженным одесским кловом, сидя на плече памятника великому Пушкину, зябко жмется к незабвенному поэту, прячась под его металлические кудри и пытаясь согреться его дыханием, хотя это вряд ли доставляет большое удовольствие нестарющему гению.

Два пожилых одессита, обсуждая новости политики, отвечают друг другу вопросом на вопрос, вследствие чего никак не могут получить ответ ни на один из них, кстати, как и все остальные граждане, проходящие мимо и периодически с интересом включающиеся в их дискуссию.

И никто не хвастается, что у него мама — юрист, а папа — еврей. Потому что прекрасно знают, что хвастаться можно тогда, когда это хотя бы наоборот.

И влюбленные целуются, и от этого пахнет весной. И поцелуи — одинаковые, как ксерокопии — так настырны и неумелы.

И горячо любимый Дюк со снежной папашой на голове и неотъемлемым свитком в руке с многоречивого и легендарного люка до умиления похож на писающего батьку Махно.

И мусорные контейнеры, утомленные бомжами, зевая открытыми крышками, периодически ежатся, одновременно стесняясь своей не по-зимнему радостно-яркой окраски.

В Одессе зима, и Дерибасовская тоже в ней. И вы идете по Дерибасовской. И она вам кажется короче, чем она есть на самом деле. И это означает только то, что вам хочется, чтобы ваше путешествие по ней продолжалось.

И вы идете от памятника Де Рибасу, не по погоде одетого и одиноко мерзнувшего в своих бронзовых штанишках. И только бесформенная мороженщица в шапке, очень похожей на буденовку рыцарей революции начала прошлого века, и с остекленевше-фиолетовыми губами, похожими на губы цыганки, продающей разноцветные воздушные шарики на почти забытой первомайской демонстрации, визгливо-монотонно убедительно заставляет попробовать свой товар, выставляя его напоказ этикеточным лицом.

А между входом в банк и водосточной трубой с бумажными флагами объявлений сидит мужчина неопределенного возраста с гармошкой, похожий на умерший сапог, и со скрюченными от мороза пальцами. Любой, даже начинающий музыкант без труда заметит, что последний аккордом, который он брал, был ля-минор.

А неподалеку виден знаменитый Дворец бракосочетаний, из которого на дрожжах ногах — под зазорное улюлюканье гостей и не имеющих отношения к процессу зевак — выходит худосочный жених с полносочной в негнущемся, как кольчуга средневекового рыцаря, платье невестой, которую он взял на руки по настоянию умиленных родителей для одной-единственной фотографии, и по его страдальческому лицу и выкатившимся от напряжения глазам видно, что этот подвиг он совершает, вполне возможно, в последний раз в жизни. А холод цинично залезает невесте под платье, но она горящими глазами смотрит на супруга с уверенностью и надеждой, что жаркая почти первая брачная ночь не заставит ее мерзнуть.

А в это время буквально в двух шагах конькового хода, у здания, созданного великим Бернардацци, Одесской филармонии уже "кучкуются" неподражаемые одесские путаны, разбрасывая в стороны, как орлицы крылья, полы умопомрачительных шубок и пытаясь опять же своими умопомрачительными прелестями обольстить хлебосольных и краснокожных клиентов. Хотя можно и ошибиться. вполне возможно, что они пришли послушать оркестр под управлением нежно любимого одесскими ценителями классической музыки великолепного Хобарта Эрла, но просто опоздали или не достали билет.

И добропорядочные отцы семейств, спешащие домой, глядя на них, сворачивают шею до хруста в остеохондрозных позвоночниках

и — уже не в силах восстановить первоначальное положение головы — так и идут затылками вперед, пугая встречных прохожих и тревожа дремлющие кратеры урн.

Но это все чуть дальше. А вы идете по Дерибасовской и попадаете в Горсад. Это епархия детей и художников, старушек и мольбертов.

Одесские дети, играющие в "снежки"! Что может быть прекрасней? Снег, разбросанный кое-где и как попало, похож на обрывки оренбургских пуховых платков не первой свежести. Чтобы слепить, мягко говоря, недоразвитый снежок, упрямым отпрыскам приходится в позе трудолюбивых селян, занимающихся прополкой огорода, обработать чуть ли не гектар близлежащих окрестностей. При этом последствия непопадания снежком-уродцем в цель, то есть глаз товарища по игре, могут быть самыми непредсказуемыми, но обязательно сопровождаются слезами зеленой повесенному досады, ведь обработать еще один гектар грязного снега не каждому по силам.

Мимо, фыряя и отплываваясь, как утомленные лошадки, проносятся хилые старушки, волоча за собой алюминиевые санки с упакованными в них и перепеленатыми, как новорожденные, внуками-переростками, одновременно лихо разрезая, как праздничный пирог, стертыми полозьями санок ни в чем не повинный в снежно-ледяных латках асфальт. И это они проделывают с незаурядными способностями вышедших на пенсию слаломистов, едва не задевая разбросанных по Горсаду художников, которые, чтобы согреться, рисуют лето. Это рождает надежду, и сразу хочется жить. И даже не очень удачные картины, изображающие летние сюжеты, вызывают расположение. И бабочки, порхающие на них, тоже дарят надежду.

А рядом нахолившийся от необычного мороза воробей, похожий на грязного попугая какаду, плохо кушавшего в детстве и к тому же страдающего неправильным обменом веществ, лениво-возмущенно чирикает на проходящего мимо хамоватого ротвейлера, который едва не пометил свою территорию на его роскошный холокол.

В Одессе зима, и цены на "Привозе" и температура воздуха так обратно пропорциональны.

В Одессе зима, и пусть говорят, что холод — это то же тепло, только на более низком температурном уровне, но оба полушария мозга, скукожившись, жмутся друг к дружке, как новорожденные щенки, боясь притронуться изнутри к холодной полировке черепа.

В Одессе зима, и ветер делает нас парусами затерявшихся в море лодок, а дождь, имеющий отношение к этому виду осадков только названием, так похож на насыщенный туман.

В Одессе зима, и согреться только водка, секс и надежда на светлое будущее, в котором будет и первое, и второе, но все же хотелось бы побольше второго. Хотя и первое тоже неплохо.

В Одессе зима, и сколотые льдины ложатся пластами, как коржи свадебного торта, и от этого женщинам еще больше хочется замуж, и тупые в отношении понимания этого мужчины опять не хотят раскрепостить свою фантазию.

В Одессе зима, и сверкающая жемчужина-Одесса стремится забраться обратно в свою перламутровую раковину, чтобы согреться.

Но солнце уже лижет ее прелестные колени, и ледяные кучи, скрипя хрустальными внутренностями и подорванным здоровьем, легко проседают тающим пломбиром.

И дымчатые сосульки плещут от смеха крокодиловыми слезами, не в силах удержаться от созерцания происходящего.

И нет уже холода внутри, как нет его уже и снаружи.

И это не означает, что зима отступает и похотливо отдается теплу.

Нет! Ведь, по большому счету, все это и есть — настоящая "одесская" зима!

Одесса.

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

К моей судьбе пришвартовался город

Соленый мрак
разрезал поезд скорый.
Я в день вошел
в шинели без петлиц.
К моей судьбе
пришвартовался город
В летящей пене
белоснежных птиц.
Я полюбил асфальты,
как сапог,
Который,
нахлебавшись сельской грязи,
Вдруг получает в жизни
статус князя —
Одесский порт
мне выстоять помог.
Я после смены
пил "на посошок".
Меня уже

присматривали свахи,
И был не сладок
тот кубинский сахар
По девяносто килограмм
мешок.
Но парусники
в аксельбантах вант
Еще ходили
за Босфор и дальше.
Я жил без денег,
но зато без фальши.
Я молод был
и слово знал "талант".

Я родился перед рассветом.
Только лучик в глазах забрезжил,
Грудь наполнил озонный ветер
Черноморского побережья.
Если путь преграждали горы
Или шел по пескам сыгучим,
То всегда свежий ветер с моря
Неизменный мой был попутчик.

Годы, годы — всего лишь числа.
Расстоянья — лишь километры.
Я всегда буду жить мальчишкой
По другую сторону ветра.

У Фанкони

А. Батрову

Вдоль стенки
лестница крутая,
Дверей
узорный переплет.
Старик
мне долго открывает
И молча
за руку ведет.
Он носит
вытертую пару
И грубой
вязки свитера.
Лицо в морщинах,
словно парус,
Который
ветер потерял.
И веет в комнате
печалью

Прошедших лет,
ушедших дней.
У книг,
как будто у причалов,
Стоят
макеты кораблей.
Но дальше
он ведет неспешно
Меня
сквозь молодость свою
В кофейню,
где они с Олешей
Под ярким
солнцем кофе пьют.
И море
светится лилово.
Суда
качаются в порту.
Не разбирая,
хлеб и слово
Хватают чайки
на лету.
Матросы,
обжигая руки,
Бегут по вантам
к парусам...

под боцманскую дудку
Готов залезть
на небеса!

Я плюс Ты

Я любил девчонку тайно,
Бил баклуши, рвал цветы,
Острой сталью на платане
Нацарапал: "Я плюс Ты".

Вовсе выпустил из виду,
Хоть оно и не гранит,
Нанесенную обиду
Долго дерево хранит.

И с тех пор, дождавшись лета,
Не один десяток лет,
Этой надписью нелепой
Мстит мне взрослому в ответ.

Я гуляю здесь с женою,
Покупаю ей цветы,
А листва над головою
Тихо шепчет: "Я плюс Ты".

Одесса.

Дмитрий ВИНОГРАДОВ ОНО ТЕБЕ НАДО

(РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ)

— Дмитрий, опять ты ввязался в очередную конкурс. Что тебе там делать, если конкурс для одесситов или для тех, кто бывал в Одессе? Ты же там не был! Оно тебе надо?

— Надо, очень надо. Ну и что, что не был. Зато там был наш отец. Там в начале 1942 года в тяжелейших боях, защищая Одессу, стойко сражался наш отец младший лейтенант Леонид Дмитриевич Виноградов. В тот день, когда для него закончилась война, он был шестым за месяц ротным командиром.

— Ты прав! Но что тебе до Одессы, если тебя с ней ничего не связывает?

— Не скажи! Этот город приходит ко мне во снах. Разве забыть свою первую любовь Эллочку Усову? Она была уже достаточно взрослой девушкой и ходила во второй класс, а я — всего лишь в первый. При встрече с ней я глупо улыбался, но я был счастлив.

— Но придя в очередной, второй, класс, ты узнал, что родители увезли ее в солнечную Одессу.

— Да, было печально. За давностью лет даже лицо ее стерлось в памяти. В воспоминаниях лишь яркое светлое облачко с большим белым бантом вверху. И тихая радость... и счастье.

— М-да! К этому следует добавить, что в юности (и тоже уже далекой) одесситка Веточка-Светочка предпочла не тебя, а друга Николая и увезла его в Одессу. Шрам на сердце до сих пор остался.

— Ша, как говорят в Одессе! Не сыпь мне соль на рану. Зато я утешаю себя тем, что го-

род, который мне снится во сне, притягивает к себе самых лучших людей.

— Вероятно, это так. Но зачем тебе этот конкурс с отсутствием солидных призов, притом только начинающий свое существование? Разве тебе мало других литературных наград?

— Не все можно измерить деньгами. Но не использовать шанс поправить свои силы, чтобы попасть в город моей мечты... в город, в котором не было случая ступить на мостовые матушки-Одессы, овеванной теплым юмором, а заодно и всеми легендами моря.

— Ну, допустим, пригласят тебя получить лауреатский диплом или, на худой конец, диплом участника конкурса. После церемонии у тебя останется перед отъездом немного времени. Как ты его используешь?

— Прежде всего, я пройду к морю... по самому, как это возможно, кратчайшему пути. Здесь я совершу священнодействие — омоложение лица и рук, чтобы хоть на мгновение слиться с морем. Здесь я прочувствую ласковое дыхание морского ветра и поцелуй веков, вставших над Одессой. Затем, с сожалением бросив прощальный взгляд на бирюзовую дымку моря, я пойду гулять по благословенному городу (билет в обратную сторону жжет в кармане). И, тем не менее, не спеша поднимусь по Потемкинской лестнице и повстречаюсь с Дюком Ришелье. Если бы я мог сделать для Одессы хотя бы малую толику из сделанного им. Попрощавшись с ним, я двинусь...

— ...в сторону Дерибасовской?!

— И в сторону Дерибасовской! Но, прежде всего, я буду всматриваться в идущих навстречу одесситов...

— ...и одесситок.
— И особенно — одесситок. Ибо там проживают самые прекрасные женщины на Земле.
— Погоди! А как ты представляешь себе среднестатистическую одесситку?

— Это молодая особа ростом около ста семидесяти, с сияющими глазами и с пожаром румянца цвета роз. У нее улыбка загадочной феи и походка принцессы из грез.

— Жаль, что нельзя вернуть молодость. А если бы можно было вернуться в прошлое, то искал бы Дмитрий себе подругу жизни...

— ...в Одессе. И только в Одессе. Я стал бы, яко соляной столб, у самого знаменитого фонтана, невзирая на любую погоду. Быть может, прошел бы не один день. Но я ждал бы, когда появится она. И вдруг, идя стремительной походкой, сверкая красотой Афродиты, вышедшей из моря, она песней своих плеч заставит плясать в фантастическом танце струи фонтана. В вышине, пленяясь ее красотой, будет мчаться солнце, а день будет сиять счастьем.

— Дмитрий, а если она все же прошла бы мимо?

— Быть может... Но ее случайный взгляд обязательно царапнул бы до глубины. Быть может, она так и осталась бы мечтой. Понимаю, что со временем ушли бы напрасные мечты, но долго бы тот взгляд случайный мне душу будоражил тайной ее небесной красоты.

— Кстати, а что ты скажешь о не первой молодости одесситках, столь живописно поданных в миниатюрах Клары Новиковой?

— Некоторые изменения в фигурах одесситок представляются естественными. Это происходит от избытка доброты и юмора. По собственному опыту знаешь, что люди злые обычно худые.

— Мы как-то всё больше об одесситках да об одесситках... давай вернемся к одесситам.

— Слабость, понимаешь ли... Ведь ты знаешь, что слабый пол сильнее сильного в силу слабости сильного пола перед слабым. У красавиц-одесситок рождаются, конечно же,

сильные, мужественные и, разумеется, красивые лица мужского пола. Но главное их достоинство — это неистребимый талантливый одесский юмор. Благодаря им Одесса является мировой столицей юмора.

— Да! Замечательный город. Скорее всего, ни об одном городе не сложено столько песен, как об Одессе. Так и рвутся из души слова: "Ах, Одесса! Жемчужина у моря!"

— И неверные слова! Разве можно сравнивать саму Одессу с каким-то полудрагоценным камнем жемчугом? Это маленький кругленький мутноватый камешек. Сравнить этот величавый и чистый город можно только с бриллиантом неоценимого количества каратов. Слова же песни должны звучать так: "Ах, Одесса! Ты бриллиант у моря!" Думать надо, крепко думать, когда пишешь песни об Одессе.

— Дмитрий! Давай представим себе несбыточное... Вдруг ты занял бы первое место и тебе предложили самому пожелать или выбрать для себя награду. Что бы ты выбрал? Деньги, драгоценности, сувениры или что-либо еще?

— Я попросил бы принять меня в члены Всемирного клуба одесситов.

— Это зачем же тебе?

— Видишь ли, слово "одессит" — не только высокое звание, это — национальность. И при случае, если бы меня спрашивали, какая у меня национальность, я имел бы полное право ответить гордо: "Я — ОДЕССИТ". А это много значит.

— Пожалуй, ты меня убедил. Но все же — на случай, если тебе не повезет?

— А здесь не может быть неудачи. Никто не сможет отказать мне в праве пожелать одесситам, чтобы каждое утро было у них добрым, чтобы каждый день был светлым, и каждый вечер был теплым. Самой же Одессе-маме желаю, чтобы небо над ней всегда было голубым.

Беларусь.

Виталий АМУРСКИЙ

Опять простор

бескрайний скифский
Однообразен и уныл,
И ночь похрустывает кислым
Зеленым яблоком луны.

Колес вагонных стук

знакомый,
Ко сну склоняющий слегка,
Туч легких огненные кони
Вдали бегут без поводка.

Как сорок лет назад и больше,
В те дни, когда тут спела рожь,
И так же думалось, о Боже,
Как мир широк, как тесен все ж.

Поезд Киев — Одесса, май 2011.

Одесса alla prima

1. Жаркий день

Май — двойник Нерона —
Жжет дома Одессы,
Пляжи Ланжерона,
Камни-волнорезы.

Радугой косой,
Продолжая бег,
Черноморья соль
Бьет брег.

2. Багрицкий

Турок ли фелюги,
Греков ли шаланды —
Флибустьеров юга
Торсы шоколадны.

Пена голубая,
Музыка и стих
Рыбными губами
Лижут тени их.

3. "Привоз"

Как звонкий бег трамвая
И поутру метла,
"Привоза" речь хромая
Мне просто так мила.

Реконструкция одной прогулки

Валентине Голубовской

...И парус из книжки детской,
И карта с розой ветров

Отметятся речью веской,
Как музыкой, между строк.

А около — из ниоткуда —
Вдруг встретится взглядом
с тобой

Печальная, как Гекуба,
Дворняга на мостовой.

На Приморском бульваре

Одесским друзьям

Соляного замеса
Ветер с моря упруг...
Ах, Одесса, Одесса —
Мой спасательный круг!

Будто альфа с омегой,
Вдруг, смешавшись, сошлось:
Беня Крик и Онегин,
Дух азартный, как штосс!

А откуда-то свыше
Птичий слышится альта,
И, как палуба, дышит
Под ногами асфальт.

Броненосец "Князь Потемкин- Таврический"

Не все в зрачки уместится,
Но, как пунктир,
Потемкинская лестница —
Смещение перспектив.

И — моря даль безмерная,
Куда, не покорясь,
Ушел в бессмертие
Корабль-князь.

А там, где в тучах-клочьях
Небесный пережат,
Румынские и прочие
Чужие берега.

Чужой любовью тусклой
И музыкой чужой
Сошлись навек над русской
Размолотой душой.

На ароматы воздух щедр
Между каштанов и акаций,
Душе и сердцу не в ущерб
Его оттенки на закате.

Но только жителям мансандр,
Где рядом черный хлеб
и кисти,
Стекает лучшей из массандр
Закат янтарно-золотистый.

Диск багрово-пунцовый
Незаметно сгорел,
У дворца Воронцова —
Ни гостей, ни карет.

Прочно заперты двери,
Лишь акации в ряд
В потемневших ливреях,
Будто слуги, стоят.

"За тенью Пушкина..."

Южные версты

Под радугой
сверкающе-изогнутой —
Дорога сквозь
дурманящий озон.
Подсолнухов
расплавленное золото
Стекает
за раскрытый горизонт.

Тень коршуна
тревожно невесома,
Как казака заточенный тесак,
И — тишина,
быть может, до Херсона,
Где узник ты —
у времени в тисках.

Похвальное слово генералу Инзову, начальнику управления иностранных колонистов Южного края

Иван Никитич Инзов,
Российский генерал,
Без клобука и ризы
Крестил — не выбирал.

Болгарина и грека
Брал под свое крыло.
Дух братства — лучший лекарь
В отечестве кривом.

Без церемоний барских:
Указ, и — свой уже!
Правитель бессарабский
По чину — не в душе.

Таким, смотрящим прямо,
Добро — не ремесло.

Ах, Пушкин, как же, право,
Тебе с ним повезло.

Третье отделение

1.

И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ...

Лермонтов.

Голубые мундиры
Видом не палачи.
Крысам — щели и дыры,
Этим — к душам ключи.

По дворцовым паркетам
Николаевский сыск:
За опальным поэтом
Тенью клеится Икс.

О, России проказа —
Боль и горе уму
На дорогах Кавказа,
В воронцовском Крыму.

Меньше дыма от ветра,
И еще унесет...
Только нет мне ответа:
Отчего это все?

2.

Наследникам
Бенкендорфа

Доколь жандарма
совесть гложет
И по ночам он плохо спит,
Не все потеряно, быть может,
Для человека, что в нем скрыт.

Но человек приличный вроде,
Как в тихом омуте вода,
В ком дух жандармский
тайно бродит,
Уже потерян навсегда.

Пьянящая свежесть озона,
Стрекозых порханий слюда!..
И счастлив я как-то особо,
Что снова добрался сюда,
Где, южным созвездьям

внимая,
В прожженных ветрами степях
Печальною медью Валдая
Отмечен украинский шлях,
Где неба полного губка
От пыли историй черна,
Но море такое, как будто
С ним Пушкин
протислся вчера.

Франция, Париж.

Ирина ЕГОРОВА ЛЕНИВЫЙ ВОЗДУХ ОДЕССЫ

В Одессе удивительный воздух — ленивый, и чувственный, и в то же время пропитанный живительными импульсами, как первобытный, доисторический бульон, в котором зародилась жизнь.

Начиная с весны, затапливающей весь город пьянящим духом акаций, и до поздней осени, полыхающей желто-красными листьями, Одесса не устаёт потчевать своих обитателей потоками солнца различного накала, букетами вкусов, цветов, запахов, солеными объятиями моря и ветра, звуками прибоя и шумом "Привоза", горячими улыбками и перченными шутками, рассыпанными нехотя и где попало.

И только серой слякотной зимой Одесса засыпает, становясь отстраненной и безучастной; таится где-то в глубине своих снов.

Смешно, но и я была когда-то маленькой девочкой.

И с каждым днем мне все легче удавалось взбираться на стул, а сиденье, которое было сначала на уровне носа, становилось все ниже и ниже — по грудь, по пояс... а однажды я тянулась, тянулась, встала на цыпочки и положила подбородок на стол.

Тогда все вокруг было очень-очень большое — большущая комната с двумя огромными окнами и высоченным зеркалом между ними; моя кроватка у стены; подушка, такая мягкая и любимая, на которой можно было уместиться целиком, если хорошо свернуться калачиком, и сладко засыпать под стук бабушкиной швейной машинки.

А потом, когда я была уже не очень маленькой девочкой, настал один момент, который пронзил меня насквозь солнечным светом, как стрекозу булавкой, и пригвоздил на веки вечные прямо к Богу в петлицу.

Было лето, я стояла перед зеркалом, которое умещало меня всю целиком. Из окна лупило солнце и, отражаясь в зеркале, затапливало мне лицо, волосы, глаза. И вдруг я *поняла*, что — *родилась и живу*. Прочувствовала эту ликующую радость всем существом — насквозь, навывлет: что у меня есть я, со смуглой кожей и струящимися золотыми волосами, что во мне пульсируют, затаившись, немеренные силы и возможности. А ведь всего этого могло и не быть! (У меня были все шансы вовсе не родиться.) И осторожная, как тайный сговор, благодарность потекла золотой нитью к Тому, кто одарил меня всем этим богатством.

Теперь, когда мне бывает больно или пусто, тоскливо или бессмысленно, я заглядываю в это мгновение, как в бездонный колодец, сквозь который видны золотые прииски моей судьбы. И тогда, алчным золотоискателем, я начинаю понимать, как много из обещанного все еще не сделано, как много упущено и как много еще нужно, нужно сделать — во что бы то ни стало.

И больше всего я задолжала этому трепещущему золотому рыбкой ощущению бытия, которое обязано оставаться во всем, что я делаю, к чему прикасаюсь.

Весна в тот год совпала с первой "взрослой" любовью, с ощущением, что я — девушка, с распирающе-томящей болью растущей груди и поющим, как струна, телом, пружинистое изгибающимся во время ходьбы. А взгляды чутко воспринимались всей кожей и были почти равносильны прикосновениям. Влажный от весенних дождей ветер проглаживал лицо и шею, запускал свои пальцы в гущу волос, от чего они кудрявились пышным ореолом и волнисто развевались сзади вдогонку моим стремительным шагам.

Ветер в меня влюбился —
Сладкий, щекощущий, пьянкий —
Впивается в ноздри, в губы —
Начало моей изнанки.

Сжимает виски в ладони,
Затылок сжимает в локти
И тычется лбом холодным
В мой лоб в сигаретной копоты...

Слова брались неизвестно откуда, вертелись назойливо, как насекомые, копошась и мешая до тех пор, пока не найдут своего законного места в строке. Я шла к папе своим любимым маршрутом: Пушкинская, Приморский бульвар, Дюк, Воронцовский дворец, Театральный мост, еще бульвар и — папина мастерская. Здесь, среди могучих платанов на Пушкинской, вспоминались разговоры таких взрослых курящих поэтов и пантомимщиков, испещренные шутками и намеками, ленивыми движениями и острыми переглядками. И обволакивающее присутствие ЕГО, любимого, физически ощущаемые его приближение и удаление, обоюдное нацеленное внимание, внезапные разряды касаний или всполохи взглядов.

К нашему двадцатилетнему руководителю студии пантомимы стекались приятели его же воз-

раста, очень зрелые и мыслящие, как казалось тогда мне, четырнадцатилетней. А я (самая маленькая в студии, по прозвищу Малая) почему-то частенько присутствовала на их бурных обсуждениях проблем мирового масштаба, иногда сопровождавшихся стихами, песнями, танцами и сухим вином. И страшно вдруг становилось от крамольной мысли — проговорить им что-нибудь из моих сложившихся где-то в мыслях (и со страху даже не записанных тогда!) строчек:

У меня душа — страстная,
У меня шаги — быстрые,
У меня ладонь — ясная,
У меня глаза — чистые.

Я люблю ходить голая,
У меня спина смуглая,
У меня длинные голени,
В волосах — волна круглая.

Я — ведьма, богиня, чертовка, русалка,
И мне ни единой души
Не жалко, не жалко, не жалко, не жалко —
Глаза мои так хороши.

И волосы выются, как флаги на мачте,
И пальцы тонки у руки.
Любите, желайте, стелайте и плачьте,
Смотрите, как ноги легки!

Как ноги легки, и длинные, и проворны,
Как стройные бедра круты...
И это из сердца не выдернешь с корнем
Ни ты, и ни ты, и ни ты!

Нет! Нет!! Как можно — такое? Неприлично, стыдно, и вообще... Ведь они же уже — !!! А я еще — ???

И вот, пропитавшись, как ром-баба, пьяными весенними запахами и соленым морским духом, вздымаюсь к папиной мастерской, на верхний этаж. На лестничной площадке — рамы и холсты, лицом к стенке, перемазанная красками дверь с умолкнувшим неизвестно когда звонком. Стучу, как умею, получается хило. После долгой паузы в глубине — шевеление, дверь открывается — папа с пучком измазанных кистей вытирает руки о тряпицу. Сразу же бьет в нос такой родной (и такой желанный до сих пор) запах масляных красок.

Папа пропускает меня, говорит, чтобы я занялась чем-нибудь, торопливо дает куски ватмана, коробочку с пастельными мелками. От сочетания и брожения вокруг меня огромного количества цветов разного накала и концентрации внутри что-то радостно стонет. Картины — законченные и только начатые, недоплетенный гобелен, большущие мотки ниток к нему, набросанные рядом, — таких вибрирующих тонов, что в горле возникает комок от непонятого восторга. Пастельные мелки дразнят многообразием, и каждый хочется схватить первым... Папа жадно вливается кисточками в холст, лихорадочно мучает краски на палитре, иногда с остервенением выдавливает остатки из тюбика и снова набрасывается на холст.

Я, как всегда при виде папы, начисто теряю дар речи. Что бы я ни сказала — кажется мне, — все будет абсолютной мурой, и папа с ядовитой иронией прищурит глаз, соорудит свою коронную гримасу и отпустит какое-нибудь едкое замечание, от которого хочется стереться с лица земли. Надо сказать, что со мной он как раз всегда обходится довольно бережно и даже ласково. Но я видела, как иногда он отбрасывает других... и потому молчу, как последняя идиотка. Пробую выразить свой безутешный восторг мелками по ватману.

Папа делает передышку, отваливает от холста, вытирает руки. Поглядывает в окно на море, корабли и подъемные краны. Мимоходом взглянув на меня, вдруг зацепляется взглядом, потом прикрывает один глаз, пытаюсь меня поточнее сфокусировать и скомпоновать. Я, чувствуя себя дичью в прицеле охотничьего ружья, пытаюсь рыпнуться.

— Стоп! Сиди так... подожди... — и папа, чтобы не спугнуть дичь, хватая лист бумаги, прищандоривает его на что-то, берет пастельные мелки. — Так, так... чуть-чуть головку правее... нет, много... так, так, да, — и начинается быстро-быстро набрасывать мой портретик.

А я стараюсь не шевелиться, по опыту зная, что любая попытка переменить участь вызовет у папы бурю протеста и озверения. Ничего не остается, как думать о влажном весеннем ветре, о море, о платанах и совсем тайком — о колечках дыма от сигареты любимого.

Когда рисунок закончен, с трудом возвращая телу подвижность, подхожу, смотрю на портрет. А там — надо же! — и весенний ветер, притихший в волосах, и море, и затаившийся, спрятанный где-то далеко-далеко в глазах любимый.

И вот, наконец, такое долгожданное первое свидание.

Гусеница ползла по ветке куста, молодая

и зеленая, как всё вокруг. Она старательно подтягивала хвост, выгибая туловище, а потом с гимнастической ловкостью разгибалась, будто пыталась измерить длину своего пути в гусеницах.

Мы сидим на скамейке под кустом. Запах прогретой весенней зелени смешивается с запахом моря. Солнце устало на нас, как на школьников, еще не напроказивших, но явно замышляющих что-то запретное. Он раскинул руки по спинке скамейки. Так я оказалась уже наполовину приобнятой, по крайней мере, смиренно замершей где-то у него под крылом. И каждая мурашка на коже мучительно просит, чтобы эти не состоявшиеся еще объятия сомкнулись уже на самом деле!

Он повернул голову, испытующе заглянул в меня. Я увидела зеленые глаза с загнутыми золотистыми ресницами, которые смотрели на меня с той же пронизательностью, что и солнце. Стало ясно, что двоеница здесь — только я. Конечно, мне же еще только 14, а ему — уже 20! Паника внутри привела меня к полному столбняку... правда, какому-то блаженному.

— Малая! Знаешь, как называются эти цветы? — он наклонился и сорвал среди подорожково-ершистой травы несколько маленьких желтых цветочков.

— ...Нет, не знаю, — ответила я, понимая, что проваливаю первый серьезный экзамен.

— Они называются "гусиные лапки", это мои любимые цветы.

— Я тоже люблю все желтое, — пульс во мне начал беспорядочно метаться по всему телу.

— Ну, тогда я тебе их дарю!

Тут в голове моей заскакали незнамо откуда поступающие справки: дарить желтые цветы — к обману, к измене, к разлуке...

— Нет, — пискнула я виновато и беспомощно, — желтые цветы дарить нельзя...

— Эти — можно, — уверенно заявил он и сунул мне в ладошку махонький букетик.

Я устала в цветочные наивно растопыренные мордочки, не очень понимая, радоваться мне или печалиться. Застав меня врасплох, он прикоснулся губами к моим губам. В первую секунду я одеревенела от неожиданности. А потом его руки стали обволакивать меня — затылок, спина, плечи, грудь; вокруг меня свивался теплый кокон, и я понеслась куда-то в глубь жизни, навстречу сладкому, как нектар, вкусу... у-у-у-У-У...

И вдруг я зависла над поляной. Внизу, на лавочке, сидели двое — я, как-то по школьному сидя с аккуратно сомкнутыми коленками, зажав в ладошке "гусиные лапки", и он, обвив, как плющ, мои плечи и талию. Мои волосы разлились с запрокинутой головы золотыми волнами по его рукам.казалось, двое жадно пьют друг друга и никак не могут напиться... Это длилось вечно.

Гусеница старательно и истоиво подтянула хвост... сочный дух листа... Хрясть — и остренькие зубки впиваются в его зелень... о!... еще, еще... кусь... кусь... да, да, да... вот так и должно быть... всегда... да... да... да...

Хоп... и я снова здесь, в своем теле... Ничего не понимаю... Мы как-то с трудом отлепились друг от друга. Плечом я вписалась ему в подмышку. Перед глазами — его ухо и слегка небритая щека... он с трудом переводит дыхание.

— Малая! Ты меня любишь?

И снова паника. Как?... что надо говорить?... это можно... — говорить "люблю" вот так, сразу?..

— Н-не знаю... — не найдя ничего умнее, ответила я.

— Как "не знаю"? — Он смотрит на меня с явным раскаянием. — Малая!.. Запомни: целоваться и отдаваться можно только по любви.

— Да, да. Я люблю тебя... люблю! — И я даже, кажется, вскакиваю... Но, как же теперь все это звучит глупо и неудачно! Детский лепет на лужайке... а-а-а... какая же я дура!

Он нехотя, но неотвратимо выпрямляется, приглаживает мои волосы... ребенку по головке погладил — мелькает у меня...

И, кажется, что-то еще говорится... как в вакууме... а вскоре он ведет меня домой и, в общем-то, ласково прощается у подъезда.

В серой прохладе я поднимаюсь по лестнице, упрямо перешагивая через две ступеньки... Вдруг замечая зажатые в кулаке цветы. Они уже повисли в полубоморочном состоянии... а я и не заметила, как удружила их. И тут мордочка моя вся скрючивается, а из глаз жгуче и сладко выкатываются слезищи, бороздят щеки, подбородок, валяются прямо на "гусиные лапки".

— Ы-ы-ы-ы!.. Бестолочь!.. Какая же я бестолочь!..

Если бы я знала тогда, сколько еще будет у меня с ним и слез, и радостей...

И какими потрясениями еще одарит меня этот непостижимый, родной, вечно молодой и вечно притягательный город!..

Россия, Москва.

Рита БАЛЬМИНА

Ту, мою Одессу детства,
Доживавшую на идиш,
Выживая не по средствам,
Лишь во сне теперь увидишь.

Там с балкона — стрелы кранов,
Кораблей заморских трубы.
Порт рычит Левиафаном,
В рупор матерится грубо.

Дух из коммунальной кухни —
Жухлый, луково-чесночный...
Над кастрюлей тети Рухли —
Муж ее беспозвоночный.

Боцман Гольц пришел из фрахта,
Пьет уже шестые сутки
И жену — проклятой шляхтой —
Обзывает проституткой.

Вьется над двором былинным,
Где субботний отдых тяжек,
На веревке — длинным клином —
Стая выцветших тельняшек.

А под ней "козла" со стуком
Забивают ветераны.
Улыбается толстухам
Нелли Харченко с экрана.

На втором клопов морили,
Гольц нажрался, как скотина...
В небеса — хвалой Марии —
Ангел звука — Робертино.

О. Ильницкой

...И Одессы не бывало.
Аппетитно и красиво
Стюардесса наливала
Кофе и аперитивы,
Улыбаясь, как реклама
Для зубного кабинета.
Ты была, Одесса-мама,
Или мне приснилось это?
Словно два больших удава,
Поглощающих друг друга,
Город слева, город справа —
Круг сжимается упруго,
Укрывая колоннаду
Бархатом зеленых склонов —
И не вымолит пощады
Сыновьям лаокоонов.
...Стюардесса наклонилась,
Секскапильная на диво.
Через час впаду в немилость
Пыльных улиц Тель-Авива.

Пейзаж пустыни —
не самый разнообразный из виденных
по жизни, видео и телевиденью.
Он пересечен густо камением зернами,
не поросшими городами
многоэтажно просторными.
Потом заснит глаза,
но взгляд упирается твердо
в жесткую синусоиду горизонта,
в тусклую мертвость песка и скал...
Чем ты стал и чего искал
в этом краю, где противоестественно
вертикали выглядят? Соответственно,
очень хочется встать, и чтоб грянул гром,
и чтоб ливень смыл этот зной, — потом
взгляд скользнет

по вычурно эклектичным фасадам,
буржуазной беседке,
зеленым львам Городского сада,
по фонтану с радугой и сутолоке вселенной
на углу Дерибасовской и Преображенской.

Приморский бульвар

Устно, письменно, мысленно
или посредством астральной связи...
Городские куранты над Пушкиным

громко и гулко,
голубая струя — голубям на чугунной вазе:
не иду по бульвару, а припоминаю прогулку.
На скамейке старухи

о чем-то беззубо смеются,
из колясок младенцы,
а им еще плакать и плакать,
и потрескалось ветками
тверди молочное блюдо,
и по капле, по капле туман
превращается в слякоть.
У Потемкинской лестницы — парочки:
место свиданий,

только Дюк одинок.
Вы от зависти позеленели,
господин Ришелье,
или вязкая сырость апреля...
Может, вместе, под ручку,
вдоль этих закрученных зданий,
мимо голых платанов, ручных голубей,
а над нами — куранты?
(Жаль, народ из аллей разбежался, шалея.)
Вам давно надоел одинокий удел эмигранта?
Так пожалуйста! Может быть, Вас пожалеют.
Устно, письменно,
мысленно или посредством жеста.
А всего вероятней —
вернут и поставят на место...

США, Нью-Йорк.

Елена ЗИНЧЕНКО

ОДЕССКАЯ ЧЕКАНКА

Вы расстались с любимым? Или, наконец-то, на свое или, на худой конец, на его, аспида, счастье, все-таки развелись с мужем? Или, не дай бог, но, как говорится, все к лучшему — овдовели? И Вы уже перелопатили не один центнер и даже (о ужас!) не одну тонну яблок, а свою половинку так и не нашли? А где Вы их "лопатили"? На вечере "Кому за ого-го"? В ночном клубе одиноких сердец? Неужели и в библиотеке? Что? И объявление в газету было? Не может быть! Вы даже пытались перехватить "свеженького" вдовца на кладбище? Да Вы, похоже, совсем отчаялись! Я вас умоляю: оставьте это безнадежное занятие. Это как раз тот случай, когда места все-таки нужно знать! Нет, я не претендую на звание картографа, специализирующегося на создании карт, содержащих уникальные сведения о резервациях идеальных мужчин. Хотя... мысль, конечно, интересная! Но, увы: я — всего лишь среднестатистическая длинноногая блондинка с заснеженной, охолодного Урала, душу и сердце которой отогрели знойные одесские мужчины. Да, да, Вы верно догадались — именно так: все мои мужа — родом из солнечной Одессы! Уверю Вас, не нужно, безуспешно рыская по ближнему и дальнему зарубежью, подбирать на должность мужа идеального мужчину. Хорошо подумайте: ведь мужчина, воплощающий в себе только лучшие качества, — сущее наказание! Не суетитесь: поезжайте в Одессу — и какое Ваше печальное прошлое не помешает Вам заполучить там мужа с большим будущим! Я вас еще не убедила? А я еще, собственно, и не начала убеждать! Я только констатировала факт: есть на свете место, где Вы найдете качественный товар. И пусть Вас не морщит это открытое слово — я же в самом возвышенном смысле (помните?): у нас — купец, у вас — товар. Так вот: это место — прекрасная Одесса — город, который я вижу только в счастливых снах!

Итак, рекомендую начать... ну, конечно же — с "Привоза"! С этой (следуя определению великого юмориста) воистину золотой жилы юмора и веселья! Или Вы не хотите умереть своей смертью, а хотите после свадьбы повеситься от тоски? Да и куда же еще — за товаром-то? Вперед! Не будем терять время — не просто пройдемся ("Привоз" заслуживает гораздо большего!), а совершим экскурсию по рядам. Именно здесь, среди сафьяново-пасленовых гроздей спелого винограда с изысканным именем "Одесский сувенир", среди ароматных абрикосов и отборных одесских персиков — фруктов, которые истинный одессит, лаская ухо головокружительным одесским проносом, называет "пэрсикки" (очевидно, вспоминая дам своего сердца, чей возраст за пределами одесского языка именуется балзаковским), именно в этом земном раю я и нашла своего первого мужа. Нет, он не был ловким продавцом вышеупомянутых сокровищ привозского Эдема. Нет — опять мимо — не угадали: ни щедрым, ни по-одесски бережливым их покупателем он тоже не был. А был он... Остапом Бендером! Не больше и не меньше! Заметьте: я не сказала "не удивляйтесь!"; напротив, я Вам советую начать привыкать удивляться — Вы же в Одессе! Удивляйтесь, ведь удивление — одна из самых

сильных эмоций, своего рода — двигатель прогресса. Именно поэтому Одесса — чемпион по этой уникальной эмоции — может соперничать с городом киногорез, вождельным Голливудом! Мой первый муж был ярким опровержением чьего-то поспешного утверждения о том, что лучшие мужчины сконцентрированы именно там. Едва ли кому-либо из голливудских красавцев придет в голову торговать... анекдотами. Нет, Вы опять неправильно поняли: анекдоты, предлагаемые к продаже в виде книгопечатного издания, — это слишком банально для одессита. Сын турецкоподданного собственной и невероятно обаятельной персоной, нагнув на самые глаза белоснежную фуражку, не ощущая весьма логичного в такую жару, никакого, даже малейшего дискомфорта от многократно обвивавшего его шею знаменитого шерстяного шарфа, поблескивая классически надетыми на босу ногу лаковыми штиблетами, декламировал обалдевшей публике изысканные одесские анекдоты. Такой штучный товар в его неповторимом исполнении стоил несравненно дороже, нежели пухлые собрания анекдотов на соседнем прилавке скушающего продавца-конкурента. Словно боясь поранить язык о свои блестящие остroты, Остап просто не мог держать их во рту — он не замолкал ни на минуту. Как Вы понимаете, мимо пройти было просто невозможно. Нужно ли описывать его романтический одесско-черноморский характер? Что? Вас не интересуют психологические особенности характера одесских мужчин? Ну и напрасно: очевидно, вы не знаете, что само слово "характер" имеет греческое происхождение и в буквальном переводе означает "отпечаток", "чеканка". Красотой одесской "чеканки" Вы не устанете любоваться никогда! Только одессит может привести свой внутренний мир в абсолютное равновесие с таким нестабильным, порой просто непредсказуемым современным внешним миром. Мой первый муж посвятил меня в эту тайную одесскую формулу жизненной гармонии. Одесситы все делают со вкусом: работают, отдыхают, шутят, дарят подарки. Только одесситу может прийти в голову исполнить квадрат Малевича черной икрой! Да, вы правильно догадались — да и что тут, собственно, догадываться? Конечно же — это подарок "со вкусом" от моего одесского мужа. И пусть тот, кого не устраивает вкус черной икры, скажет, что это — безвкусица! Нет, подарок не этого — первого — мужа, это уже — второго. Что значит "тоже нашла на "Привоze"? Нет, я не буду говорить глупости о том, что "мужчины не грибы". Напротив — в Одессе масса "грибных" мест. И сейчас мы туда отправимся. Стоп! Мы не можем так просто уйти с "Привоза"! Задержимся еще на минуточку. Нам сюда — в рыбные ряды. Есть: колоритное фото с тетей Соней со связкой бычков и кошкой у ног, предвкушающей лакомство, и, конечно же, еще одно — поистине историческое — фото около скульптуры "Шаланды" с любвеобильным Костей и морячкой-Соней. Не отвлекайтесь! Вы что, забыли: мы же сюда пришли не "делать базар" (кстати, как Вам такое сугубо одесское определение похода на рынок за продуктами, граничащее с неким священно-

действием, возведенным местными жителями в ранг практически "ручной работы")?! Да — тут моя вина: нужно было предупредить, чтобы Вы плотно позавтракали. Что? Сами не догадались? Тогда уходим быстрее — иначе Вы рискуете получить гастрономический шок: нельзя так шутить с "Привозом"!

Самое время добавить еще один штрих к теме о характерах одесситов. Ведь мы направляемся на главную улицу Одессы, изbranную одесситами таковой, потому что она как нельзя лучше соответствует тому жизненному укладу, к которому стремятся одесские мужчины. А стремятся они к уюту и душевному комфорту. Вы все-таки еще не привыкли удивляться? Говорите, ожидали услышать нечто более оригинальное и логичное для потомков одесситов, воспетых русскими писателями Ильфом, Петровым, Олешей, Катаевым, Багрицким, Бабелем? Что? Я не назвала улицу? Сейчас сами всё увидите — мы почти на месте. А хотите — самую малость интриги? Тогда давайте попробуем говорить об улицах не как об элементах городской инфраструктуры, а как о неких мистических артериях, благодаря которым живет сложный загадочный организм, именуемый городом! Москва — не Москва без чего? Правильно — без Арбата! А Киев — не Киев? Я смотрю, Вы уже много повидали! Совершенно верно — без Андреевского спуска! Можно было бы продолжить географические изыски, вспомнив Невский проспект в Питере, Унтер дер Линден в Берлине и Елисейские поля в Париже, но мы уже пришли. Оглянитесь вокруг: конечно же, Одесса была бы не Одессой без Дерибасовской! Каждое здание здесь — от Ришельевского лицея и канцелярии генерал-губернатора до "Пассажа" и гостиницы "Большая Московская" — хранит память о замечательных мужчинах (об одесситах и не совсем таковых, но однозначно — о мужчинах достойных и влюбленных в Одессу!): таких как Менделеев, Пушкин, Пирогов, Гефт, Чуковский, Жаботинский. И если даже Вы не читали роман Жаботинского "Пятеро", Вы, оказавшись на Дерибасовской, все равно испытаете чувство, созвучное описанному в этой замечательной книге: "Как только ступала нога на ту царственную почву, меня тотчас охватывало особое сознание, словно произошло событие или выпала мне на долю привилегия. Я невольно подтягивался и пальцем пробовал, не развязался ли галстук".

Каждая среднестатистическая блондинка, имеющая мужа-одессита, имеет шанс хотя бы раз в жизни побывать на Венском Оперном балу. Именно это я и хотела сказать — то чувство, которое испытываешь, ступив на брусчатку Дерибасовской, можно сравнить лишь с тем восторгом, который опьяняет при звуках полонеза, открывающего Оперный бал. А вот и восторженная публика — взгляните сюда, на стены гостиницы "Большая Московская", на эти чудные маскироны в замысловатых головных уборах: выразительные лица с удивительными чертами и восторженными улыбками. Именно здесь когда-то останавливался великий шансонье Александр Вертинский.... Согласитесь: другого, более достойного места для поиска мужа, чем эта воистину королевская улица Одессы,

просто не найти! И лучшее подтверждение тому — мой второй супруг, мой Дерибасовский Венский вальс! Мы могли часами гулять с ним по Городскому саду — видите? — перейдя Дерибасовскую, мы попадаем прямо на его внешнюю аллею. Нет, Вы не оригинальны — все стремятся посидеть на этом бронзовом стуле, являющемся прототипом знаменитого стула из "Золотого тельца" Ильфа и Петрова, в котором были спрятаны вождельные бриллианты мадам Петуховой. И это здесь не единственное место, где можно "исторически" посидеть. Еще — вон та уютная бронзовая скамеечка, на спинку которой откинулся добродушный Утесов, целовек-эпоха, исполнитель самых знаменитых песен об Одессе... слышите? — над садом плывет музыкальная дымка: "Есть город, который я вижу во сне..." Однако... освободите очередь туристам — похоже, Вы опять забыли, зачем мы здесь! Нам туда — к месту встреч влюбленных всех времен и народов, к фонтанам. Юпитер, превративший нимфу Ювенту в фонтан, хотел лишь создать источник вечной молодости — время поворачивалось вспять для тех, кто погружался в его воды. Нет, нырять в фонтан мы не будем: мы пока в отличной форме — не знаю, как Вас, но меня форма пэрсика вполне устраивает. И не отвлекайте меня думать мысли и вспоминать мое второе счастье из Одессы! Итак — творцы фонтанов Городского сада Одессы пошли дальше Юпитера: они, заставив струи своего детища вырываться из земли и одновременно падать с неба, воплотив в нем сразу два дара: небесных богов — дождя и чистых родников земли, насытили эту дважды благословенную воду особой музыкой! Звуки и тишина здесь неповторимым образом переплетаются во времени. Кажется, оно замирает в этом магическом центре пространства под аккомпанемент таинственного флера вечерней подсветки. И на этом намоленном влюбленными благословенном пятчке у фонтана нет места одиночеству! Вы тоже чувствуете? Будто повеял морской бриз, ласкающий волны и несущий запах свежей мяты и горьковатые нотки экзотических фруктов? Женщина не может не услышать музыку духов! Но это ароматное облако — еще один сюрприз Городского сада. Я помню — Вы никак не можете привыкнуть удивляться. И мы имеем, почему: именно здесь находится единственный в мире фонтан... духов! И сейчас именно она — верхняя нота его аромата — окатила нас шароухими брызгами, которые растаяли на губах, подобно пузырькам шампанского. Берегитесь: по законам нотной грамоты духов, ей на смену идет средняя нота — та самая нота сердца, создавая которую, знаменитый французский парфюмер Кристоф Лакарен стремился превратить в аксиому теорему Пушкина "Фонтан любви — фонтан живой"! И имя этому аромату — Одесса... Куда же Вы? Остановитесь: дождитесь основную, базовую ноту этого волшебства — шлейфа, летящего на смену средней ноте! Что? Вы уже нашли свой аромат — встретили мужчину своей мечты? А Вы уверены, что это он — Ваш единственный и неповторимый одесский мужчина? Впереди — еще много "грибных мест", куда тянутся их творческие, солнечные души! Ну и что, что я четырежды замужем! Как сказала одна актриса: "Я всю жизнь живу с одним мужем — просто меняются мужчины, исполняющие его роль". И я счастлива быть безнадежно замужем за мужем из Одессы!

Украина, Киев.

Юрий БЕРДАН
СЕНТЯБРЬ В ОДЕССЕ

1.

Последняя улыбка стюардессы,
И замер "Боинг", успокоив дрожь.
Ну что ж, привет, аэропорт Одессы!
Сентябрьский день. Разгар сезона. Дождь.

Он — не сюрприз: прогнозом был обещан,
И лить ему еще четыре дня.
О, господи! Полно красивых женщин,
И ни одной, встречающей меня!

Завидно мне, но не подам я виду,
Наброшу плащ и в гулкий город выйду...

Вдруг повезет и встречу эту пару
(Семнадцать им. Он робок и носат...)
Идущих по Приморскому бульвару,
Держась за руки, сорок лет назад.

2.

Спит полуночная Одесса...
В глазах любимой пляшет бес!
Прошу, кричу, смеюсь: "Оденься!"
Она не хочет: любит без.

Прибой и смех вдоль кромки моря,
Двор, переулочек и газон...

Коньяк, фокстрот и Beatles — крамола:
В Одессе бархатный сезон.

О, этот город стоил мессы:
Там я, пусть час, но был король!
Сезон любви, сентябрь в Одессе —
Моя прощальная гастроль.

И славно знать, и сладко помнить,
Что там, за прорвой лет и миль,
Вдоль пенной кромки бродит полночь
И крепко город спит. Аминь.

Встречаются нам на Земле города
Для сердца святые, приятные глазу...
Я очень Одессу люблю, господа,
Хотя в ней, признаюсь, не жил никогда,
А также я там не родился ни разу.

Живут веками истины простые
В еврейской незадачливой судьбе:
Они бродили долго по пустыне,
Чтобы Египет задушить в себе.

И много лет, обласканы и сыты,
В начале ночи и в разгаре дня
По Брайтон-Бич гуляют одесситы,
В себе Одессу истоиво храня.

США, Нью-Йорк.

Борис БОРУКАЕВ

Я помню город

Я помню город мой родной,
который был покинут мной.
В том нет его вины.
И даже здесь, в другой стране,
навечно душами во мне
мы соединены.

Вокруг меня — рой горожан,
театры, парки, океан,
но в мыслях окружен
всем, чем живет иной пейзаж:
Соборка, Оперный, Пассаж,
толчок и Ланжерон.

Я помню едкость эпиграмм,
что посвящал учителям,
которых ныне чту.
Как, выпускной продолжив бал,
с друзьями еньку танцевал
на Тещином мосту.

Я помню университет —
пять самых ярких в жизни лет.
В нем актовый был зал.
Участник СТЭМа, глуп и смел,
про Совнарком частушки пел
и Гамлета играл.

И не забыл я до сих пор
наш проходной веселый двор
с колодцем у ворот.
Твердили хором старики:
"На дне действительно-таки
есть в катакомбы вход".

Хромого дворника с метлой,
будившей весь народ честной,
как будят поезда.
Соседской девушки ответ.
В ее устах звучало "нет",
похожее на "да".

О, славный герцог Ришелье,
укор живущим на Земле,
прости-ка ты нас всех.
К тебе гостей водили ведь
на Дюка с люка посмотреть,
их вызывая смех.

А рядом восхищает глаз
архитектурный высший класс.
Сужу не по молве.
Беги по лестнице смелей!
Я помню, что ступенек в ней
сто девяносто две.

А вот блистательный "Привоз",
где предложеньем правил спрос,
а не наоборот.
Здесь был вполне уместен торг
и приводил любой в восторг
вербальный оборот...

Не описать всего стихом,
чему и сердцем, и умом
мы вдалеке верны.
Я помню город мой родной,
который был покинут мной.
В том нет его вины.

По Гринвичу

Там, в пенах,
где два с плюсом по Гринвичу,
где в червленом поле якорь — геральдика,
как ни странно, но казалось:
подпрыгни чуть —
и поймаешь непременно журавлика.

Он дразнил всегда своей невесомостью,
словно вверх тянула сила какая-то.
Но верней,
под ним пространство все полностью
было жирными синицами занято.

А в краю,
в котором Гринвич — пять с минусом,
где охвачен мир когтями орлиными,
хочешь — сам себя казни,
хочешь — милуй сам,
вышибая из небес клинья клиньями.
Здесь раскованность твоя —
беспризорница,
здесь прикормленность твоя —
бесприданница.
И журавлик в этом небе не водится,
и синица прочь из рук вырывается.

Моя душа

Разлука-боль взяла разгон.
Считались дни, затем недели.
А вскоре счет был обнулен,
и быстро годы полетели.

Они летели стороной,
о чем могу лишь сожалеть я.
И вот встречаюсь вновь с тобой
спустя одиннадцатилетье!

Где б ни был, мчусь, глаза слезя.
А здесь парю, лишенный веса.
Я — часть тебя, но ты — весь я,
моя душа, моя Одесса.

Вести с полей, или Дело было под Одессой

Сыграл Бюль-Бюль на фортепьяно.
Запела Майя "Усть-Илим".

Анатолий КОНТУШ Д О М

"О'кей", — сказал Майкл и пошел прямо к воде; солнце стояло уже высоко, и он совсем не отбрасывал тени. Он выбрал место, снял майку и туфли, наклонился и зачерпнул побольше песка. Дом ведь и правда занимал почти целый квартал и со всеми своими галереями, лесенками и перилами был похож на океанский пароход, желтый в лучах заходящего солнца.

...Первым делом, конечно, этот флигель, где когда-то все и началось, длинная стена вдоль Торговой, здесь укрепить, чтобы не осыпалось, два ряда окон, лучше вот эти ракушки, они блестят, почти как стекло... Иван Степанович, он же Иоганн Штефан Юнг, прибывший в Одессу из Австро-Венгрии на поиски своего счастья и нашедший его в лице Маруси Бахабановой, которую успела вывезти из Турции ее мать; Иван Степанович Юнг, поселившийся на Новосельского угол Торговой со своей молодой женой, которая родила ему трех дочерей; Иван Степанович Юнг, главный кондитер кафе "Фанкони", каждый день ходивший на службу по Торговой, Херсонской и Ланжероновской; Иван Степанович Юнг, лучший в городе мастер по тортам, напевавший О Тappenbaum долгими декабрьскими вечерами и так никогда и не вернувшийся на Балатон; дедушка Ваня, сумевший воспитать шестерых внуков, но не сумевший пережить смерть одного из них... вот эти окна на улицу, на втором этаже слева от водосточной трубы, тонкая палочка вполне подойдет, и весь этот ряд на первом этаже, ближе к аптеке...

Набежавшая волна коснулась песчаной стены и отхлынула, оседая; несколько водорослей зацепились за шершавую поверхность, отказываясь возвращаться туда, откуда они появились; Майкл осторожно поднял их, переложил по другую сторону стены, где находился выходивший на Островидова двор, быстро построил рядом часть дома с подъездом, которая закрыла двор со стороны океана, и выровнял направляющую; на этом перекрестке улицы сходились под острым углом, и дом встал этим углом к океану, разрезая пенящиеся вокруг волны.

...Зартар Мануковна, мать бабушки Маруси, только что потерявшая мужа и беременная последним ребенком, привезла в Одессу целое состояние — всех своих шестерых детей; Макс родился уже здесь — как память об отце. Они добирались сюда через Трабзон, Николаев и Аккерман, жили на Слободке и Ближних Мельницах; дети подросли, Макс пошел работать парикмахером, а сестры Катя, Нина и Женя, такие же темноволосые красавицы, как и Маруся, выбрали более перспективную профессию, став женами домовладельцев. У дяди Лени Доценко были дома на Молдаванке, у Мейера — возле Нового базара, сестры обзавелись нарядами, пристрастились к картам, лото и теат-

ру... из всего этого уцелели только квартира на Внешней, две комнаты на Торговой и "девятка" по вечерам... дядя Леня пошел работать, тетя Нина начала шить, а Иван Степанович с женой и дочерьми навсегда остался в угловом, похожем на пароход доме, плывущем сквозь беспокойное время... здесь, над подъездом, был балкон, попробуем остаток спичечного коробка, а этот плоский камень вполне подойдет для крыши... Три доченьки-красавицы, три нежных создания в белых кружевных платьях, которые жизнь быстро заменила серыми суконными, Людмила, Эмма и Изабелла, три сестры из одноименной пьесы в одесской постановке, для нас уже бабушка, тетя Эмма и тетя Белла... хотя бабушку на самом деле звали Людвигой и младшие сестры всю жизнь называли ее Людей, как отец... выросли в революции, голодали в войны, выучиться не успели, работали, как могли, бегали в кино на Ильинского, ездили на пляж в Угольную гавань, вышли замуж одновременно, привели в дом Арсения, Петю и Манюлю, родили по мальчику и по девочке каждая, добавили к семье Вало, Толю, Игоря, Нилу, Эльзу и Свету, бросили работать, вырастили детей назло еще одной войне, понемногу состарились, начали болеть... В учреждениях не верили, что они были родными сестрами, потому что в свете двадцатых советская власть написала им в паспортах: "Людвиг Ивановна Юнг, русская", "Эмма Янушевна Юнг, полька" и "Изабелла Иоганновна Юнг, немка"... в июне сорок первого работавшая паспортисткой тетя Шура, дочка тети Нины и старика Мейера, только в самый последний момент успела изменить "Иоганновну" на "Ивановну" и "немку" на "русскую"...

Еще одна волна накатила на берег, зацепила дверь в ателье готовой одежды и выбросила на песок несколько ракушек; Майкл подобрал их, положил рядом с водорослями и начал сооружать последний флигель, замыкавший четырехугольник двора.

...Посреди двора был обнесенный заборчиком садик, в нем — стол и скамейки, а по сторонам — акации и абрикосы... спички прекрасно подойдут, если втыкать их на разную глубину... акации поднимались выше крыш, а абрикосы были молодыми; детей во дворе собиралось много, и абрикосам никогда не удавалось созреть. Прямо на углу был магазин "Культовары", вход с полукруглой лестницы, рядом — ателье готовой одежды, а в полуподвале — мастерская по ремонту телевизоров... мелкая галька в самый раз вплоть вот эти соломинки вместо перил... Вход в парадное был сразу за полуподвалом, узкий темный проход с постоянно закрытой дверью на первом этаже и двумя квартирами на втором, в одной из них жила тогда еще никому неизвестная Лора Кудельман; маленькая площадка, массивная дверь посередине,

а за ней — выход на коридор, в галерею, которая шла вдоль всего двора; отсюда можно было попасть в несколько квартир с окнами на Торговую, и шестнадцатая была первой из них, вот этот вытянутый камешек вместо двери и ракушка вместо окна... Тесный коридор, дверь к тете Эмме — налево, к тете Белле — прямо, поворот, еще один коридор, проход в кухню, маленькая дверь слева, узкая комната с высоким окном, в которой умерли дедушка Ваня и бабушка Маруся, широкая кровать, накрытый скатертью стол, горка с посудой за стеклом, вазы, лампы, слоники, настольные часы с кариатидами, будильник "ЗиМ", ножная швейная машинка "Зингер", на стене — ковер с танцовщицей, удивительно похожей на тетю Беллу, и сама тетя Белла на стуле возле стола; высокая двусторчатая дверь, просторная смежная комната, тяжелая люстра, большой стол, заставленный разнообразными кушаньями, и дядя Манюля, грозно нависший над ними; дверь в коридор, за ней — еще одна, комната тети Эммы и дяди Пети, кушетка, буфет, холодильник, окно со вторым светом, еще одна комната, яркий свет в глубине, окно на улицу, ветки акаций, шум за окном...

Очередная волна подхватила несколько сухих водорослей, лежавших у входа в парадное; Майкл попытался их поймать, но волна завертела темные нити, понесла за собой, и он быстро потерял их из виду; Майкл вздохнул, отряхнул руки и принялся доделывать крышу.

...Тетя Эмма... ее окно было на втором этаже, рядом с окном тети Беллы, и когда было тепло, она вечно кричала через улицу тете Шуре, которая в китайском халате с драконами выходила на свой ветхий балкон: "Шура, только умоляю тебя, осторожно, он такой хрупкий, он сейчас рухнет!" А дядя Петя с обязательным "Сальве" в руке высовывался из-за ее спины и осторожно спрашивал: "Кого ты имеешь в виду? Коммунизм?" Тогда все еще жили в одной квартире, и жены еще иногда закрывались на ключ и кричали возвращающимся домой под утро мужьям через дверь: "Ну и ночуй у нее, старый брехун!" И тогда мужья пробовали залезть в квартиру через окно, которое выходило на коридор, а если жены закрывали и его, то спускались на улицу и пытались подняться к себе на второй этаж по водосточной трубе, и когда один раз труба не выдержала и вместе с одним из них, не-будем-говорить-с-кем, упала с небольшой высоты, то жившие внизу соседи вызвали милицию, которая забрала неудачника и выпустила только на третий день, когда Иван Степанович собственной персоной пришел в отделение подтвердить его личность... Тетя Белла... она часами сидела на коридоре, болтая с соседками или сестрами и следя за нами, играющими внизу... Даже тогда тетя Белла была эффектной женщиной, а в молодые годы благодаря своим многочисленным округлостям сводила с ума полгорода. Бабушка рассказывала, что в сорок втором году во время парада войск в честь маршала Антонеску один румынский офицер, увидев тетю Беллу на краю тротуара, бросил строй и вернулся в Румынию

Ноктюрн Арно Бабаджаня исполнил жалостно Муслима. Его сменив, Эдита Пьеха сплясала твист про Манжерок. Затем о фронтовых успехах напомнил некий старичок. Поведал диктор о шахтерах, дававших уголь на-гора, о неизведанных просторах, познать которые пора, о трудовых победах наших, о злых буржуах за бугром, Стране Советов угрожавших, но нам угрозы нипочем. И в подтверждение мысли этой, рожденной в чьей-то голове, воздал Кобзон хвалу приветной и "золотой моей Москве"...

Вещала модная "Спидола", трясясь антенной на ветру, у ног посланцев комсомола, студентов славного ОГУ, прибывших утречком с обозом в гумном пропахший сельский рай на зов подшефного колхоза, чтоб в бой вступить за урожай и в настроении не праздном пополнить, хоть и задарма, зато с большим энтузиазмом своей Отчизны закрома.

Назло воякам Пентагона, назло коварному врагу они дышали учащенно на свежескошенном лугу. И лучше, чем под гимн столице на том клочке родной земли средь бела дня совокупиться, навряд ли выдумать могли.

США, Нью-Йорк.

только после войны. Благодаря чему тете Белле удалось спасти от немцев дядю Манюлю и других родственников: во время облав их переодевали в женщин и прятали в когда-то принадлежавшем Мейеру доме на Нежинской рядом с Новым базаром... Тогда все еще жили вместе, но когда выросли дети и родились внуки, дом перестал вмещать всех, и им пришлось разъехаться кто куда по всей Одессе; бабушка уехала на Франца Меринга, тетя Белла — на Чкалова, а тетя Эмма — на Добровольского, чтобы снова обратиться вместе на Северном кладбище, теперь уже навсегда. С того момента, когда Иван Степанович впервые поднялся по лесенкам своего двухэтажного парохода, прошло ровно сто лет...

Майкл разогнул спину, сполоснул руки в накатившей волне и отступил на несколько шагов. Дом был готов; он поднимался из песка своими влажными спрессованными стенами, белыми галечными балконами и ребристыми ракушечными окнами, и океанские волны разбивались о его фасад, заливая двор через выходящий на Островидова подъезд и затапливая парадные и подвалы. Майкл натянул шорты, сложил в рюкзак туфли и майку и пошел вперед, почти не увязая в песке; жесткие клубки водорослей похрустывали в его кармане. Он шел через широкий пляж, залитый ярким южным солнцем, и остающиеся за ним следы вытягивались в четкую линию, которая начиналась от дома у воды, уже едва заметного среди волн. Он издали заметил черную собаку, которая лежала на песке, опершись на передние лапы, и смотрела на океан; когда он поравнялся с ней, собака обернулась и внимательно посмотрела ему в глаза, а потом снова отвернулась к океану; он прошел еще немного и увидел двух девочек, сидящих вокруг спящего ребенка; одна из них, загорелая дочерка, не заметила его, а другая наклонила голову и улыбнулась так, как будто была давно с ним знакома. Ближе к мосту он увидел стройную полинезийскую девушку с тропическим плодом в руках, издали похожим на яблоко; она стояла немного в стороне, и когда Майкл приблизился, опустилась на песок, и он заметил синюю языческую татуировку у нее на плече. Рядом с девушкой сидела красивая женщина, у ног которой дремали две кошки, а немного поодаль — старуха с побелевшими от времени волосами; старуха сидела на песке, поджав ноги, и смотрела прямо перед собой. Майкл миновал старуху и остановился: перед ним расстился абсолютно пустынный пляж, и волны накатывали на берег одна за другой, оставляя после себя темные влажные пятна, полные ракушек и водорослей. В этот момент странная белая птица с коротким изогнутым клювом пролетела над ним и исчезла среди кружащихся над берегом чаек; Майкл посмотрел на чаек и пошел за птицей ровным шагом. До моста оставалось недалеко, солнце садилось, и длинная тень тянулась по песку на восток.

Он знал, кто он и откуда, а значит, знал, куда он идет.

Франция, Париж.

Ирина КРАЙНОВА ДЕНЬ ДОЖДЯ

Дождь начался громко, с раскатами, но силы его, видимо, истощились: пошел мерно, зашумел глухо, как море за закрытым окном. Под такой дождь хорошо думается.

...Вот она, все ближе, ближе. Матовая, нефритовая, солнечная на просвет. Волна, подхватившая со дна песчинки и мелкие водоросли. Мягко выносит ее на берег, шлепнув напоследок легкой материнской рукой... "Сережку нашли в капусте, Маринку — в море", — когда она услышала первый раз? Кто-то из взрослых пошутил, Сережка, кузен и вечный соперник в играх, захныкал совсем по-девчончьи: "Почему Марку в море, а меня в ка-апусте?!" Она была младше на год и училась всему, глядя, как учат его: плавать, нырять, прыгать в воду. И буквы так выучила.

А вот ее — в море! Она точно знала, где. Конечно, в Отраде, где мостки ржавыми сваями уходят вдаль, полузатонувшая баржа у берега и желто-охристые камни на берегу. Папа по своему обыкновению хотел заплыть чуть ли не в Аркадию — а тут, нате, она явилась. Такая, в челчике, в длинном байковом платье с утятками. Папа и вытащил ее на берег.

"В море, в море", — она так часто слышала это в детстве, что ни капельки не сомневалась. И очень удивилась, узнав о каком-то роддоме около Куликова поля. Никто роддом ей тот не показал. Предлог "около" стерся, осталось только Куликово поле, замечательное место для появления на свет. Тезка того, поля свободы.

Домашние рассказывали, как папа опаздывал в роддом, тут такси, он кинулся, а перед ним, как в сказке, Алла Тарасова из МХАТа. И просит уступить машину — на репетицию спешит. МХАТ в Одессу приехал. Папа, конечно, уступил. А мама с дочкой из-за его рыцарских подвигов чуть пешком не пошла с Куликова поля — да на родную улицу Белинского.

Поле и море не слишком рифмуются между собой, и ей нравилось думать, что нашли ее все же в Отраде, а на Куликовом поле они уже вместе с папой уступили очередь "легенде МХАТа". Мифы имеют над нами необъяснимую власть. Она увлечется историей и театром.

Ее первые ощущения — высота и тишина. Высота двуспальной кровати с металлическими шпешечками значительно для ползущего малыша. Тишина неполная: в комнате множество людей, слышно их сонное дыхание. Вот-вот забьют черные часы у окна. Потом они ломаются, и Маринке будет казаться, что там поселился ее дедушка, которого она никогда не видела. Платье с утятками "на вырост" мешает ползти, но она упрямо движется к краю. Первый поход "мамая" на Куликово поле.

На двоих с братом — большая черная коляска. Нарядные, с веселыми кудряшками, они восседают по ее краям. Бабушка Инна торжественно везет их выгуливать. Дворовые мальчишки, попросив "скатнуть разок", разгоняются до немыслимой скорости, разбегаются кто куда, а коляска продолжает свой полет по улице Белинского, мимо загса, где расписались папа и мама, мимо тяжелой скамьи с чугунными ножками, как из ришельевских времен, до угла, где большие уличные часы.

Это было особым шиком — догнать коляску "до часиков". Мальчишки состязались в ловкости, детки замирали от ужаса и восторга в несущемся экипаже, бабушка почти на той же скорости неслась вслед с нестрашными угрозами: "Сказались! От я вас!"

Она божились, что никогда больше не доверит тем "шибеникам" своих деток. Шибеники клялись: "Ни, тетечка, мы медленно-медленно!" Доверчивая тетечка отдавала коляску, гонки начинались снова.

С коляской связана еще одна история, ставшая притчей во языцех. Как-то они отправились на прогулку вместе с Наташей, Сережиной сестричкой. Девича она была чрезвычайно серьезная, и номер с катанием "до часиков" у нее не прошел. Наташа вцепилась в коляску мертвой хваткой, бабушка Инна отлучилась в гастроном.

Но когда старушка, нагруженная авоськами, оттуда вышла, Наташи нигде не было. Бабушка заметалась по улице, переходя на все более высокие ноты. Она добежала до будки газоды, когда ее голос уже больше напоминал вой пожарной сирены, с еле различимым: "Украл-и-и!!!" Тетя Броня "с газоды", полная сочувствия, возопила из будки с не меньшей силой. Две пожарные сирены на маленькой приморской улочке! Нашлись очевидцы: кто-то видел, как девочка с черной коляской свернула в Отраду. Беглецов настигли за углом, в знакомом дворике, заросшем виноградными листьями так, что виднелись только двери дома. Какой-то дядька глянул к ним в коляску — бдительная Наташа сразу увезла малышек.

Тетя Броня долго еще развлекала округу "страшилками" о черной коляске. Почему она была черной? Старая потому что, покрашена первой попавшейся краской. Не до эстетики было в первые мирные годы.

Марина многое помнит, чего помнить вроде и не должна. Как долго стоял на их милой, зеленой улочке слепой дом. Был он без окон, без дверей, без крыши. "Разбомбленный", — авторитетно сообщил всезнайка Сережка. Ближе к ночи, черно-бархатной в Одессе, опасались ходить мимо его пустых глазниц. А тут еще бабушка вспомнила, как бомба упала рядом с их домом. Ушла в землю, там и осталась. Маринка стала бояться низко летящих самолетов. Она сильно наклонялась, точно и ее сейчас начнут бомбить. Передался, верно, страх ее матери, девочкой ехавшей из Кишинева в Одессу вместо семи часов семеро суток — под бомбежками.

Их улица Белинского была миниатюрной, но важной для города. В нее упирались колоритные Большая и Малая Арнаутские, она граничила с бульваром (Французским!). С одной стороны улочка почти соприкасалась с парком Шевченко, где с высокого морского берега начиналась Одесса, и когда-то входила в линию портофранко. На другом конце она плавно переходила в Отраду, тихую, тенистую часть города. С плитками синеваго тротуара — застывшую лаву везли из вулканической Италии, с могучими старыми акациями, соединявшими свои стволы в один, ширины и крепости дуба, с говорящими названиями улиц — Отрадная, Уютная, Ясная, Морская. Потому, как хитро ни плутали

приглушенный отблеск меди от мигалки за окном, этот странный южный говор, запах булочек с корицей, комнату моих соседей, вывернутую вверх дном.

В этом городе, где в разноцветье весенних бульваров запах моря врывается, как захмелевший матрос в припортовый кабак, рядом с площадью старой базара я родился, и рос, и полтинник менял на пятак. И с тех пор этим бизнесом странным занимаюсь везде беспрестанно.

Я растяну сентябрь на триста тридцать строк, чтоб тридцать дней спустя все длилось бабье лето. Я буду жить шутя, свободно, вольно, впрок, как малое дитя, как следует поэту.

Пусть юности моей трамвайные пути разобраны и пусть булыжник весь украден — в хмельной колодец дней лети, бабья, лети, зачеркивая грусть исписанных тетрадей.

Одесса.

улочки, как ни запутывали идущих по ним, за последним поворотом всегда открывалось море. И всегда неожиданно. Не голубое, не зеленое — "самое синее в мире", что верно, то верно.

Мама Зина непреклонно вела всех на пляж в седьмом часу утра. На коричневатой фотографии, едва успев родиться, Маринка уже у желтого камня — у мамы на ручках. Когда же закончились все "ручки" и коляски, родилось это невероятное ощущение свободы. Тогда не было еще ни канатной дороги, ни асфальтовой, плавно поворачивающей к берегу. И они чувствовали себя с братом первооткрывателями мира — слетали с круглого обрыва наперегонки, а навстречу неслась такая знакомая красноватая, "марсианская" земля с выжженной солнцем травой.

Море встречало хрустальной чистотой, знобкой прохладой раннего часа. Старушка баржа к их услугам. Высшим шиком считалось, позаграв там, красиво и небрежно спрыгнуть в воду солдатином. Однажды, не рассчитав силы, Маринка прыгнула плашмя и сильно ударилась животом о воду. Но виду не подала. Вдруг брат увидит и поднимет на смех?

Потом в Отраде построили хорошие мостки, намыли волнорез. Как-то они с Сережей приплыли к нему в сильные волны. Маринка никак не могла взобраться на него, но упорно лезла — она же не слабаякая-то. На пляже сделали и водяную горку, что сразу вела на глубину, они летели туда со всего размаху!

Отличным развлечением был еще обмазанный с головы до ног засохшей грязью дедок, он брел себе по берегу, время от времени выкликавая, всегда неожиданно и пронзительно: "Лиманская грязь! Кому лиманская грязь?!"

У них было два любимых занятия на пляже: лузгать семечки и что-нибудь скушать — все равно, что. Четыре медика в семье — катастрофа. Кушать на море? С этим строго. Только фрукты, в крайности — мороженое!

Они жадно смотрели, как на соседних подстилках доставались большие стеклянные банки, оттуда извлекалась молодая румяная булочка, мясистая красная помидорка, ароматный крепкий огурчик, жирная, душистая до невозможности украинская сарделька. Все вмиг уминалось хорошо упитанными детками. А им не покупали даже жареные пирожки. "Вы знаете, какими руками они делались?!" — спрашивала мама с квадратными от благородного негодования глазами. Они не знали. "А вы знаете, из чего они делались?" — продолжала мама. Они и этого не знали. Но все поедавшие эти замечательные пирожки с начинкой "из чего угодно" были почему-то живы и здоровы.

Перед обедом начиналось новое линчевание. Брат и сестра, как старшие, разбирали работу поприятнее. Сестра шла за хлебом, брат бежал заправлять сифон к тете Броне. Где теперь театр оперетты, стояла ее будочка. Там еще рос великан тополь, уходящий далеко в небо. Маринке же снова доставался керосин. Она плелась с мило благоухающим баллоном по улице Чижикова на Канатную, мимо бани и велотрека. В крошечную тьму лавки керосинчика. Тот весь почернел от продажи своего товара — там был и уголь.

Зато вечером они ехали в город. Так это называлось, хотя их улица в десяти минутах ходьбы от центра. На Дерибасовской мороженица манила прохладой зеркальных стен с нарисованными пингвинами, ловко эквилибрирующими шариками крем-брюле и пломбира. На холодных мраморных столиках — сифоны с сиропом. Но и газ-

вода не позволялась суровой мамой Зиной. Навевшись вкусных ледяных шариков (Сережка как-то на спор съел пять штук!), шли на Приморский бульвар, где вагончики фуникулера и — бывали салюты. В них участвовал еще Маринкин папа: сначала стреляли из сигнальных пистолетов.

Только утренний дождь мог расстроить четкие маминь планы. Как бунтующий школяр, врывается он веселым перестуком в затененные виноградом окна комнаты, будил их бодрым шумом, отличным от привычного грохання трамвая. И был тот шум самой лучшей музыкой. Можно сколько хочешь жмуриться в постели (спать чего-то уже не хотелось): никто не потанет тебя на утреннем холоде на пляж, не пошлет в лавку керосинчика!

В дождь играли в карты. Не в "дурака", повзрослому — в "девятку", на медные копейки и "трюльники". Азартная Маринка нервничала, сильно краснела. Ехидный братец повторял во всеуслышание: "Марка переживает!"

И еще — за картами можно было грызть семечки! Это ли не настоящее счастье? Правда, если это "счастье" продолжалось дольше, чем три дня, все уже не находили себе места в их 15-метровой комнате. Но — Одесса, июль, юг. Солнце вскоре снова водворялось на небо, дети — твердой рукой мамы Зины — на пляж...

Какие же они были маленькие дурачки! От моря они уставали... Как далеко теперь ее море и ее город. Думала, придет сюда, изойдет следами. Нет, ничего. Спустилась к Ланжерону, дивно похорошевшему. И скорей — в Отраду, мимо оставшихся еще охристых камней. На родимом пляже — теперь "пиратском", в духе Стивенсона — испугнулась и всплакнула, не без того. И пошла почти не изменившимися, наизусть знакомыми Уютными и Отрадными улочками к своей, самой уютной и отрадной. Всё на месте: старинная аптека с мраморными ступенями на углу, тубдиспансер наискосок, ее домик с потемневшей черепицей.

Пока она ностальгически шмыгала носом у "домика", оказавшегося, кстати сказать, модерном, с вертикальными узорами фасада и асимметрией лоджий, проглядела эту черную тучу. Дождь прыснул не всерьез, притих было, сходя на нет, но снова разошелся, и полил, и полился... Марина вся вымокла.

В спасительную "двойку" — троллейбус, как в ковчег, набились насквозь промокшие пассажиры. Рядом с ней уселся мужичок с ноготок — с лопатой наперевес. Остановка провожала его дружным смехом. Дядечка был бос на одну ногу. На другой каким-то чудом держался матерчатый домашний тапок. "И что они смеются?" — жалобно обратился он к Марине. "И де другой?" — моментально проникаясь напористо-обаятельными родными интонациями, спросила она. Интонация в Одессе — наше все. Сосед доверчиво разжал руку: второй тапок он бережно прятал на груди. И задумчиво спросил: "И де ваши дети?" — "Дома", — механически ответила Марина. Тот радостно закивал: "Им крупно повезло — они бы тоже промокли!"

Господи, все изменилось за десятилетия, мир стал другим, а Одесса... Одесса все та же. И люди всё такие же — добрые, смешливые, открытые, как дети. И все так же набегают на берег за улицей Белинского легкая волна. Матовая, нефритовая, солнечная на просвет.

Россия, Саратов.

Владимир КАЦ

Тропинка сбегает к морю.
Солнце стоит в зените.
Скользят вдоль берега тени
перистых облаков.
А мы всё спорим и спорим
о суете событий,
сверяя ноты мгновений
с музыкою веков.

Липы столетние, двор
с юго-востока на северо-запад
тянется, и в разговор
пряный вплетается запах —
окна все настезь, июль,
ночь обнажает тела и желанья
и умножает на нуль
наше дневное сознание...

Да, так о чем разговор? —
Все о любви — мы ж другого не смыслим...
Липы столетние, двор,
трепетно-тонкие кисти
(я о запястье молчу,
не говоря о предплечье и шее)...
Что же, загасим свечу.
Лето. Июль. Лорелея.

Не забыть мне этот город,
не забыть мне эти лица,

Александр КРАСНОПОЛЬСКИЙ

***	Слоники на вышитых салфетках Отражались в мутных зеркалах.
Я удивляться не устану Рассветному концерту птиц, Предштормовому океану, Существованию границ,	Наше детство — за ковром на стенке. На ковре — испанка средних лет Под гитару, вся в огне фламенко, В ритме каблучков и кастаньет.
Осенней позолоте леса И кроме этого, друзья, Что где-то без меня Одесса, А где-то без Одессы я...	Детство — на серванте, в синей вазе, Угодил в которую мячом, В бесконечном списке безобразий, В том, что все нам было нипочем.
***	В шифоньерах, тумбочках, чуланах, Под столом, где скатерть с бахромой, В вечном доедании каши манной, В вечном зове бабушки: "Домой!"
Наше детство спрятано в альбомах, В тихом счастье материнских губ И в шипеньи песенок знакомых Из огромных патефонных труб.	В тысячах чудес, из-под подушек Тайно исчезающих на заре, В появлении елочных игрушек С пыльных антресолей в декабре.
В сундуках, комодах, а нередко Над тахтой уютной, где в углах	

Сергей КУМЫШ ОДЕССА. МАМА

По дому Мама ходила в просторном синем халате, держа между кончиками пальцев дамскую сигарету. Сигарета была тонкая, а Мама была толстая.

Я приехал в Одессу впервые. Вокзал мне сразу понравился. А еще я сразу понял, что мне некуда идти, потому что я ничего и никого здесь не знаю и не знаю, с чего начать. Но вскоре в глаза бросилась вывеска: "Служба расселения туристов".

— В гостиницу я вам не советую — дорого. А если не дорого, то обязательно далеко от центра. Могу предложить вариант в самом центре — снять комнату у одной одесситки. Сколько вы готовы платить?

Я сказал, что гривен сто пятьдесят.
— Алё, вот тут молодой человек за сто пятьдесят хочет.

На том конце, видимо, даже разговаривать не пожелали. Сотрудница "Службы расселения" положила трубку, не выказав никаких эмоций. Видимо, подобный исход разговора был для нее делом привычным. Не прошло и минуты, как раздался телефонный звонок. Женщина сняла трубку и, не сказав ни слова, положила ее.

— За сто шестьдесят — поселит.
— Меня здесь все называют Мамо́й, — другому она не представлялась. Темноволосая, смуглая, грузная. Я так и не смог пересилить себя и в разговорах с ней просто глупо "выкал", предпочитая вообще никак ее не называть. Теперь я, как и все, называю ее Мамо́й. Потому что другого ее имени — настоящего — я так и не узнал. А это — осталось.

Первым делом я хотел пойти гулять. Я надел чистые белые брюки, свою лучшую рубашку — я готовился к встрече с городом, который с минуты на минуту должен был стать моим любимым (я знал это наверняка).

— И что ты оделся? Ты что, хочешь, чтобы все говорили: "Мальчик из Питера приехал"?
Я вернулся в комнату. Сложил одежду на стуле, кеды бросил в угол. Надел какую-то футболку, шорты на первой свежести, ноги всунул в пляжные тапки, на голову повязал платок. В таком виде я снова вышел к Маме.

— О, нормальный одесский прикид.
Мама категорически не хотела, чтобы я гулял по Одессе как турист, она твердо решила за три дня сделать из меня одессита. В какой-то степени ей это удалось (так она сказала, когда мы прощались). Но вот любимым этот город так и не стал. И даже не пытался. Пытался я.

Оказавшись на улицах Одессы, я тут же начал в нее усиленно влюбляться. Не влюбился, а именно начал себя в нее влюблять. Первые несколько минут у меня это даже получалось. Я спустился по переулку Некрасова, прошел еще несколько улочек и вдруг внизу увидел море, порт, корабли, всякие портовые сооружения. Я остановился. Я стоял в том самом городе, дышал тем самым воздухом (каким — тем самым?). Это был восторг. Собственно, на этом все и закончилось. Я пошел дальше. Дома, мостовые, деревья, дворы, "макдональдсы". В душу закралось подозрение. А где моя Одесса? Где город, в который я приеду и в нем растворюсь? Где город, в котором я навсегда оставляю сердце? Где город, который ласково примет меня, обнимет и не захочет отпустить? Ответ был очевиден: там, где я находился, этого города не было.

Я испугался. Этого не может быть. Я точно знал, что Одесса произведет на меня впечатление. Причем точно знал — какое. И, приехав, я ничего этого не получил. Я не только испугался. Я еще обиделся и даже разозлился.

Сначала я водил себя по Одессе и заговаривал: "Люби, люби, люби!" Поняв, что сам с собой не договорюсь, я начал приставать к Одессе: "Нравься, нравься, нравься!"

Вечером, вконец расстроенный и уставший, я вернулся домой.

Точнее — к Маме.
В кухню через открытое окно входили медленные одесские сумерки. Свет Мама не зажигала. Сидела перед маленьким цветным телевизором с неизменной сигаретой. Она спросила, нагулялся ли я. Я ответил, что да, и поинтересовался, что она еще посоветует посмотреть — попозже вечером. Она посоветовала бар "Гамбринус" ("тот самый, про который у Курпина") — по вечерам там играли музыканты, пели старые одесские песни. Я присел за стол рядом с Мамо́й. Она смотрела какой-то городской канал ("наши местные сплетни" — так она называла выпуски новостей).

— Сходи мне, пожалуйста, за сигаретами. У меня кончились. Как выйдешь, сразу направо, — и Мама протянула мне купюру. Это было сказано так естественно, и жест был такой техничный, что отказать или как-то по этому поводу напрячься было бы просто неуместно.

В магазине оказалось, что сигареты стоят дороже, а других денег я с собой не взял.

— Потом занесете, — сказала, протягивая пачку, продащица, видевшая меня первый раз в жизни.

Когда я спустился в подвал, где находился "Гамбринус", музыканты уже начали. Их было трое — пианист, скрипач и гитарист. Играли они нестройно, пели фальшиво, хриплыми и, казалось, нетрезвыми голосами. Но при этом получалась музыка. Которая существует только здесь, в этом погребке. Которую нигде больше не услышать. И которую так никто больше не сыграет.

В перерыве я подошел к сцене.
— Вы знаете песню "Мишка-одессит"?
— Конечно, знаем. Как вас зовут?
— Сережа.
— А вы откуда?
— Из Питера.

Я вернулся на свое место.
— А сейчас для Сережи из Питера и его друзей прозвучит песня "Мишка-одессит", — к концу фразы гитарист заметно сконфузился — за моим столиком, кроме меня, никого не было.

Ночью, когда я шел спать, на одной из улочек сидела старушка и играла на аккордеоне. Она играла в полной темноте, сидя на табурете, раскачиваясь в такт музыке. Возле нее стоял открытый футляр — для денег. Надо было очень постараться, чтобы попасть монеткой в этот футляр. Я попал. И, не останавливаясь, пошел дальше.

— Спасибо вам, дитя! — догнал меня ее голос. По голосу было понятно, что она улыбается. Я оглянулся. В темноте проглядывали лишь слабые очертания. Но улыбка была. Я точно знал это. Пока я не свернул на другую улицу, до меня доносились грустные и добрые звуки ее аккордеона.

Поначалу Мама не показалась мне похожей на одесситку. Точнее, она не была похожа на тот образ одесситки, который сложился у меня в голове. Но к концу первого дня, когда придуманные мной самим образы Одессы и одесситов были полностью разрушены, я уже знал — для меня нет большего одессита, чем Мама.

— У нас вон в том доме на первом этаже долго жила одна тетка. Мы ее все называли

В том, что были "по колено" реки
И все люди были хороши...
Видно, детство каждого навеки
В закоулках собственной души.

Одесский язык	Идиш в нем и бритиш перемешан. И молдавско-русский наворот, Но в тени акаций и черешен Именно его и знал народ.
Ах, как он умел распространяться Среди всех рожденных здесь — подряд! В нем соленый привкус интонаций, И степных акцентов аромат,	Не изыскан пусть, зато он сочен — Словно спелый плод стекает с губ. Он и в приблизительности точен. Не обиден, если даже груб.
И певучий общий дух наречий Всех тут "наследивших" за века: Диалектом пенистым расцвечен, Радостным раздольем говорка.	

Стольких анекдотов, стольких песен,
Голосов лишились бы и книг,
Будь не общепринятым в Одессе
Мой родной, чтоб я так жил, язык!

Ветер с моря	Океанам звезды в небе снятся, Людам — яхта, мачта и штурвал. Ветер с моря — как им надышаться?... Он то легкий бриз, то грозный шквал.
Озорник, проказник и задира, Он, куда нестись, решает сам. Одолеет запросто полмира, Чтоб дарить надежду парусам.	Он дает и ощущение дома, И отраду, где бы я ни жил, Им душа влекома и ведома, В нем источник обретения сил.
Свежесть он несет и безмятежность, И шторма, сводящие с ума... Ветер с моря — вечность и безбрежность, Значит, и поэзия сама.	США, Нью-Йорк.

негритянкой. Она была большая и очень смуглая, темнокожая. Черная почти. Но не негритянка. Не знаю, кто она там. И у нее был рояль в одной из комнат. А окна она никогда не закрывала. Уж не знаю, зачем ей нужен был рояль, она на нем не играла. Зато она на этом рояле... или под ним, — Мама ехидно усмехнулась, — в общем, мужиков она водила. И почему-то всегда они это делали в той комнате, где рояль. И каждый раз, когда она начинала голосить (а голосить она начинала каждый раз), эта крышка большая, которая у рояля, усиливала звук. Жизнь в переулке замирала. Что-то делать под этот "аккомпанемент" просто невозможно. Мужики во дворе все закуривали сразу. Курили молча. Кто-то там пытался закрываться, чтобы не слышать. А бесполезно. Переулочек маленький: кошка мяукнет — на другом конце слышно. А тут еще рояль этот... А потом она съехала куда-то. Как-то быстро так — раз, и всё. И нету ее. Соседи говорят — уехала. А куда — никто не знает. Никто с ней не общался. Но голос ее знали все.

— Мы когда жили на Молдаванке, то в нашем дворе никто будильником не пользовался. У нас там жили две подружки, молоденькие, обеим лет по двадцать. Одна на первом этаже, другая на втором. И они обе работали на каком-то предприятии. И надо было рано вставать. А у одной еще ребенок был, девочка маленькая. И вот она каждое утро, когда ее в садик отводила, выходила во двор с дочкой за руку и кричала подруге на второй этаж: "Ка-ать! А твою мать! Семь утра!" И все просыпались.

На другой вечер Мама подумала, что мне, наверно, скучно одному гулять по Одессе. Она решила познакомить меня со своей племянницей. ("Сейчас моя племянница придет, я ей позвоню, она тебе лучше меня все расскажет, где пойти и куда посмотреть"). Скучно мне не было. Но Мама лучше знать. Из своей комнаты я слышал, как она разговаривает по телефону:

— ...давай, не дури, а вдруг это твоя судьба...
Племянница в тот вечер так и не появилась ("застеслась").

— Ты знаешь, ты не смотри, что они такие вроде смелые. Они и короткие юбки носят, и красятся вызывающе, но это так, не всерьез. А так у них поведение очень моральное. Не то что полячки или итальянки — те сразу на мужиков вешаются. Одесситки не такие. Их надо завоевать. Почитай мне, пожалуйста, вслух. На вот тебе книжку.

Мама протянула мне сборник одесских рассказов.

Я прочел самый первый рассказ.
— Ты вот что, когда будешь с девушкой знакомиться, ты с ней такими же голосом говори, каким мне сейчас читал.

Мама сказала, что Одесса — "город ничьих кошек". Кошек, которых никто не приручает. Но много кто подкармливает. Почти все подкармливает. Есть у одесситов такое негласное правило.

Кошек действительно было много. Они грелись на солнце, лежали на капотах припаркованных машин, возились в пыли одесских дворов, сидели на скамейках, перебежали улицы, лазали по деревьям, которыми обильно засажен город. И никто на них не "шикал", никто не пытался откуда-нибудь прогнать, никто не посягал на их свободу. А потому кошки эти, не бездомные, а именно — нищие — животные, чувствовали себя вполне независимыми и были (и остаются) полноправным населением одесских улиц.

К окну Маминой кухни тоже часто приходил черный кот. Точнее, приходил он ровно три раза в день: во время завтрака, обеда и ужина. Он не мяукал, не скребся и вообще никак не выдавал своего присутствия. Просто садился на подоконник, смотрел и ждал. "О, пришел. Сейчас, мой хороший". На этом их общение заканчи-

валось. Мама ставила на подоконник блюдце с чем-нибудь съедобным и больше не вспоминала про кота. Кот бесшумно ел и сразу после этого уходил, так и не издав ни единого звука.

На третий день, мой последний день в Одессе, к Маме прислали двух новых жильцов — пожилого поляка и его дочку. Он был в Одессе двадцать лет назад, а девочка приехала впервые. И вот отец хотел показать дочери Одессу. Но, как выяснилось, он вообще ничего не помнил, кроме того, что здесь есть порт и что двадцать лет назад он был молод и Одесса произвела на него сильное впечатление. Скорее всего, он даже не столько хотел показать дочери город, сколько посмотреть на него ее — семнадцатилетними — глазами. На ломаном русском он выспрашивал у Ма́мы, как куда пройти. Мама все объясняла на пальцах, что-то пыталась нарисовать (у меня до сих пор сохранился план центра Одессы, нарисованный Мамо́й; нарисовано здорово, но найти по нему что-либо невозможно). Как выйти на одну из улиц, она так и не смогла объяснить и решила показать на карте.

Мама разложила карту.
— Вот вам на эту улицу надо выйти. Улица Подбельского. Это она раньше так называлась, карта старая. Как же она сейчас...

— Кобелевская, — накануне я тоже искал ее, и один старый одессит объяснил, что ищу я Кобелевскую, а спрашивать надо улицу Подбельского, как она раньше называлась.

— Точно, — оживилась Мама. — Вот, может, Сережа вас проводит, если вы его хорошо попросите, это недалеко. Он уже Одессу лучше меня знает, — улыбнувшись, добавила она. Это была приятная неправда.

У нас не было какого-то особого прощания.
— Ну, приезжай. Давай, пока.
— До свидания.

Мама еще постояла в дверях, в желтом свете прихожей, пока я сядился в такси. Когда за мной закрылась дверь машины, закрыла дверь и она. Меня повезли по вечерним улицам к вокзалу.

Странная история. Все три дня, куда бы я ни пошел, везде наткнулся на какое-то несоответствие того, что я предполагал увидеть, почувствовать, понять до приезда в Одессу, с тем, что я действительно видел, чувствовал и понимал. Точнее, тогда я как раз не понимал. Понимать начинаю только сейчас. Так вот. Странность заключалась в том, что, гуляя по Одессе, я не чувствовал себя в Одессе. Того, за что я собирался этот город полюбить, в нем не было. Надо было найти что-то, за что я Одессу смогу любить. Но три дня — это мало. Особенно, когда глаза разбегаются и ты не знаешь, на чем остановить взгляд. Но стоило мне оказаться на кухне у Ма́мы, у открытого окна, выходившего в глухой внутренний двор, я успокаивался. Глупое волнение и непонятное чувство неудовлетворенности уходили. Я чувствовал себя спокойно. Я чувствовал себя хорошо. Я слушал рассказы Ма́мы, смотрел, как ветер теребит занавеску, внося в кухню запах двора и вынося во двор запах кухни. Тихо работал телевизор, постоянно передававший "местные сплетни". А свет Мама до наступления темноты не зажигала.

Это и была Одесса. Не целый город, который за три дня узнать и полюбить просто невозможно. Не улица, на которой меня, правда, уже знали в лицо охранник и продащица в магазине. Не двор, где проживали свои дни старики и кошки, которым не было до меня никакого дела. И даже не квартира, в которой жила Мама. Вся моя Одесса уместилась на этой кухне, на этой довольно тесной маленькой кухне с евроремонтом, с легкой прозрачной занавеской и открытым окном. В которое входила Одесса. Из которого она выходила. Без которого бы ее — для меня — не было.

Анатолій МИХАЙЛЕНКО НА МЕЖІ ДНЯ І НОЧІ

Біля причалу колишнього морського вокзалу — цю частину порту старожили називають ще "Кримська" — самотньо стоїть невелике італійське судно, що прийшло до Одеси з вантажем мароканських апельсинів. На тлі сірого піднебесся яскраві свіжі плями сурику на його надбудові проступають, як віспа. Невисокі борти і якірний клюз — роз'їдені іржею. Вона свідчення того, що і сталевий корпус підвладен вітрам, солоній морській воді, не говорячи вже про люті зимові шторми.

У сутінковій глибині одного з трюмів четверо докерів завантажують дерев'яні піддони з апельсиновими ящиками, відправляючи їх за допомогою порталного крану на причал. Серед тієї четвірки — два юнака: Віктор і Микола, що демобілізувались з війська. Один з них ще з шістнадцяти років поневиряється гуртожитками, другий — з неповної сім'ї. Їх життя з дитинства не рясніло цукатами. Насущний хліб доводилося добувати у поті чола. Працюючи, вони змагалися, хто першим закине нагору вже завантаженого піддону два останні ящики, що вирушають на експертизу до санітарно-епідеміологічної служби. Ця гра, яка виникла сама собою, допевна урізноманітнювала доволі нудну працю.

Механічно вихоплюючи ящик за ящиком, Віктор пригадував, як, повернувшись з війська, шукав роботу. Отримавши ще до служби спеціальність механіка-холодильщика, він подався було до рибальської компанії "Антарктика". Але там йому відмовили. Кадровик мотивував це тим, що Віктор служив в авіації, мав справу з новітніми літальними апаратами, котрі представляють собою військову таємницю. А носіям таких секретів в авіації, мав справу з новітніми літальними апаратами, котрі представляють собою військову таємницю. А носіям таких секретів в авіації, мав справу з новітніми літальними апаратами, котрі представляють собою військову таємницю. А носіям таких секретів в авіації, мав справу з новітніми літальними апаратами, котрі представляють собою військову таємницю.

Довго не вагаючись, пішов до сусіднього морського торговельного порту, де для роботи вантажником не були потрібні ні партійність, ні віза. І ось стоїть в напівпорожньому кабінеті начальника третього вантажного району Георгія Баранова в очікуванні своєї долі. Той з неприхованою цікавістю і певною недовірою дивиться на нього з-під густих чорних брів.

— Слабкуватий ти, хлопче, для нашої роботи, — промовів, нарешті, начальник без тіні посмішки на широкому смуглявому обличчі, маючи на увазі невисокий зріст хлопця і його худорляву статуру. А для більшої переконливості сказаного, встав з-за столу у весь свій величезний, ледь не двометровий зріст.

— Вітя повернувся з армії, йому треба влаштуватися на роботу, прописатися в гуртожитку, одягнутися, — пробурмотів однак, говорячи про себе в третій особі. Певне, від великого хвилювання і вже не сподіваючись, що начальник змінить своє рішення. Проте Баранов, почувши цю дивну репліку, посміхнувся й примирливо сказав:

— Ну, гаразд, давай, підпишу твою заяву. Але, дивися, в бригаді розбиратимешся сам...

Так Віктор потрапив до бригади Василя Палтіса — людини вибухової, але не позбавленої почуття гумору.

— Не хочеш працювати, "век" з бригади, — різко говорив інколи Василь, лаючи молодого вантажника, що проштрафився. — Думаєш, ти один такий? Та у відділі кадрів черга стоїть, щоб зайняти твоє місце. І всі — в шляпах! — завершував зазвичай свою "виховальну промову" бригадир, наголошуючи на слові "шляпа". Помітивши, що ледь не вся бригада зібралася на причалі насолодитися його мистецтвом, командував фальцетом:

— Марш по робочих місця! — І навздогін кидав своє улюблене: "Бекицер, бекицер..."

Вперше Віктор усвідомив справедливості слів, сказаних Барановим, коли трапив на розвантаження кубинського цукру-сирцю в лантухах. За час переходу судна через океан вони перетворювалися на 114-кілограмові брили. Тому в трюмі основним інструментом був звичайний лом, яким лантухи поодиноці виколупували із рудой горбатой маси. Та й брати їх голіруч було теж неможливо. Лантуха доводилося підхоплювати спеціальною лапкою і тільки тоді удвох з напарником перекладати

його на прядивний строп. Особливо непереливки було тим, кому випадала черга забивати вагони-пультмани до стелі цими "сухарями", як їх називали вантажники. Не зважаючи на наголівники, вантажники за зміну розтирвали заливки до крові і ран, що довго не гоїлися.

Серед найнебезпечніших вважалося вивантаження 200-кілограмових кіп каучуку. Коли при підйомі краном одна з них зривалася з гака і падала до трюму, то підстрибувала, як чудернацький чотирикутний м'яч. Ударившись об комінгс, шпангоут або інший який-небудь виступ, кіпа знову летіла невідомо куди. І вантажникам залишалося лише сподіватися на Бога, щоб цей каучуковий снаряд не припечатав кого-небудь до борту судна.

Всі ці і інші принади докерської праці Віктор не раз відчув на собі. Тут, в порту, він твердо засвоїв одну геніальну за своєю простотою істину, викладену йому ветераном Федором Ткачем:

— Якщо людина несе щось з роботи додому, не записуй її в злочин. Просто вона бере те, чого їй недодали зарплатою.

І Віктор з Миколою втілювали, як могли, цей "економічний постулат" в життя. Одного дня, прихопивши в порту по шість пультів (планувалася поїздка з дівчатами на вихідні до Кароліно-Бугазу або на Хаджибей), вони бездарно трапили до рук нічного міліцейського патруля. Сам Баранов прийшов до камери, куди зачинили Віктора. Незлобиво докоряв йому і кілька разів запитував: "Ну, скажи, будь ласка, хто це з вашої бригади брав курей?..."

— А хто це може сказати? — відповів на питання питанням Віктор, сподіваючись, що Баранов все-таки зрозуміє, чому він діє так, а не інакше. Ну не міг Віктор відкрити йому всієї правди. Не міг! Бо це означало підвести товаришів. І, між іншим, стати "стукачем", живучи з цим ганебним прізвиськом. Не "розколовся" і Микола.

Мовчання молодих гідно оцінили старші товариші, одноголосно проголосували на профспілкових зборах за взяття Віктора і Миколи на поруки, мовляв, "молоді ще, виправляться!".

Після цього випадку районне начальство вирішило серйозно взятися за трудову дисципліну. Замість табельниці, милої єврейки Сіми, що відповідала за дану "ділянку роботи", призначили справжнього начальника відділу кадрів, змінивши ради цього штатний розпис.

То ж доля зіштовхнула Віктора ще з одним відставником — колишнім полковником Комітету держбезпеки. У Сергія Івановича — так звали нового призначення, ймовірно, був багатий досвід щодо наведення дисципліни. Всю провину підлеглих він брав, як прийнято говорити, "на олівець". По тому, природно, йшли оргвизновки, аж до позбавлення премій і звільнення "невиправних".

Втім, портовики мало звертали уваги на португи навести лад на районі. Вони продовжували займатися контрабандою, розпилювати, наприклад, гітарною струною упродовж брикети вершкового масла, а потім виносити його частинами і реалізувати за межами порту.

Але висловили кадриківкові своє "фе" найзухвалішим чином. Біля портового холодильника ошвартувався старенький теплохід "Коперация", що обслуговував лінію Одеса — Олександрія. Він, як зазвичай, прийшов з вантажем арабського рому "Абу-Самбел" і сухим вином чорного кольору з промовистою назвою — чи то "Нефертіті", чи то "Нефертари". Скоштувавши заморської продукції, "підігріті" вантажники небоязко тинялися площею перед адміністративною будівлею, а Сергій Іванович з вікна другого поверху спостерігав за цим "броуновським рухом" і мстиво скреготав вставними зубами. Та що там він?! Сам начальник порту Томас, який виявився випадково чи невинувато в цей час на районі, прагнув зонайшвидше пройти, аби уникнути "братання", адже дехто з ветеранів намагався обов'язково потиснути йому руку, вважаючи це великою честю для себе...

— Штіва, штіва! — відвернув Віктора від спогадів бригадир, звисившись над горловиною трюма.

— А ти не бачиш? Піддони закінчилися! — відповіли йому з темної глибини, мов з того світу.

Поки точилася словесна "перестрілка", Віктор вернувся до реальності, скоб-трапом

піднявся на палубу. Він інтуїтивно відчував, що на судні є контрабанда, причому високоліквідна.

Зустрівши на баку шкіпера, він запропонував йому на change вітчизняний фотоапарат "Чайка-2" вартістю 27 рублів.

— "Лейка"? — запитав італієць.

— "Чайка"! — відповів Віктор, не зовсім зрозумівши шкіпера.

— "Лейка"? — повторив наполегливо шкіпер.

— I see. "Лейка"! "Лейка"! — погодився Віктор, второпавши, що йдеться саме про фотоапарат, який він демонструє.

— Come with me! — сказав йому старий моряк і провів до своєї каюти. Там, довго не торгуючись, дістав з рундука дві пари джинсів з фірмовим лейблом "Lee" і передав Віктору. Той, заховавши їх під ватника, повернувся до трюма, де і повідав колегам про вигідний обмін. Відтак, скупивши чи не всі фотоапарати "Чайка-2" в найближчих магазинах культтоварів і здійснивши аналогічні операції з членами екіпажа судна, вантажники до кінця зміни стали володарями двох лантухів новеньких ковбойських штанів, що цінувалися на одеській барахолці по 120 рублів за пару. А це, як не кажіть, місячна зарплата радянського інженера! Постала проблема: як вивезти придбане за межі порту?

Хтось з вантажників згадав про приятеля Миколи Сашка, на прізвисько Чалий, що працював механіком портового буксирного катера "Шторм". Чалий був по-своєму унікальною особою: у той час, як усе більш-менш доросле чоловіче населення Одеси прагнуло влаштуватися на судна ЧМП і піти у закордонне плавання, він, навпаки, не зважаючи на тиск членів сім'ї, продовжував працювати у портофлоті, чий маломірні судна не виходили за межі зовнішнього рейду.

Але Чалий і не думав про подорожі до заморських країн. "Навіщо? Аби возити звідти всілякі шмотки для рідні? Обійдуться!" — говорив, хильнувши після вахти пару гранчаків оковитої, механік. За це на нього обусурманилися і мати, і дружина, і діти. Але він лишався непохитим у своїх переконаннях. Завдяки дружбі з Миколою Сашко прибавився до їх бригади, неодноразово ходив з вантажниками "на сосиску".

На щастя, він стояв цього дня на вахті. І вантажники без довгої тяганини домовилися з командою буксира про перекидання свого вантажу до безпечного місця. Ціна ризикованого заходу була, зрозуміло, обумовлена.

— Дві пляшки горілки "Московська"! — заявив Сашко тоном, що не терпів заперечень.

— І ящик апельсинів на додаток! — проявив щедрість Микола. Тим більше що ящик цей "випадково" забули завантажити до вагона.

Четверо хлопців подалися на Хлібну гавань, де мав ошвартуватися буксир. А Віктор з Миколою залишилися в порту для відправки контрабанди.

Зі всіма застереженнями, щоб, не дай Боже, не здібатися з митниками, обехеєсниками або прикордонниками, о 19:00, як і домовилися з моряками, хлопці були на причалі, де в бурті з катанкою чекали приховані завчасно лантухи з джинсами.

— Невже підведуть, бісенята?! — сказав, ні до кого не звертаючись, Микола. І, шулячись від холоду, пильно вдивлявся в непроглядну темряву.

Нарешті в нічній імлі почулися звуки працюючого дизеля. З ввімкнутим на рубці прожектором буксир, клюючи носом хвилю, наблизився до них. Микола на ходу кинув контрабандний товар Сашкові, що стояв на носі, й сам застрибнув на палубу катера.

Віктор, що залишився на причалі, дивився, як крихітне суденце, з погашеними вже вогнями, розчиняється в темряві, долаючи час і простір.

Р. С. Век — йти геть (нім.); бекицер — швидко (євр.); штівать — працювати, укладати вантаж в трюмі (мрск. трм.); change (англ.) — міняти; "Лейка" — фотоапарат однієїменної німецької фірми; ходити "на сосиску" — на колективну випивку в кафе, що на "Привозі", де подавали гарячі сосиски; обехеєсники — міліціонери з відділу по боротьбі з розкрадачами соціалістичної власності

Одесса.

Татьяна ПАРТИНА

Мамино детство

Домашнее вино, лачуга и полынь,
Для ненасытных коз мешок травы колючей,
Петух задира, кот нахальный и хитрючий
И вечная тоска, куда глаза ни кинь.
А море где-то там, где развалился весь
Чужой и местный люд,

от солнца жмурит веки...

А в школе говорят,
что здесь селились греки
Из мифов и легенд... Да не было их здесь!
А память детских лет потерта,

словно плющ,

А прошлое есть суть почти любой легенды,
Как серый завиток когда-то белой ленты,
Что время сохранит

для маленьких Танюш...

Как хорошо, что море где-то рядом,
Что есть на свете мокрая зима,
Забывтый пирс, банальный пляж "Отрада",
А счастье — я придумаю сама.
И нет зимы, она нам только мнится
Сопливым небом, холодом глубин...
Любимой книгой, где на всех страницах
Медузы тонут, плавают дельфин.

Февральское солнце
скатилось с небес молчаливо.
Запуталась в облаке чуткая телеантенна.
На крыше ворона кричит

на товарок глумливо.

Она — примадонна. Мы — зрители.

Крыша — ей сцена.

Мы здесь обитаем на дне
мировой котловины,

В ячейках и сотах,
как ласточки в скалах прибрежных,

И в серые пятна
стандартной окрестной картины

Врываются бурно мазки
простыней белоснежных.

Троллейбус гудит,
кто-то пилит трубу на балконе,

Соседи смеются,
забывши об утренней ссоре,

На крыше ворона кричит,
надрываясь, вороне,

Что с крыши сегодня внезапно
увидела море.

Мы — не счастливые, другие —
Себя зовем самозабвенно,
И от домашней ностальгии
Мы вымираем постепенно.
Вы — возвращаетесь частями
(И это правильно, ей-богу):
Стихами, письмами, звонками;
Не место выбрав, а дорогу.

И мы не сможем разминуться.
Вам хорошо. А нам — едва ли.
Вы можете уже вернуться,
А мы — еще не уезжали.

Мы — не счастливые, другие —

Себя зовем самозабвенно,

И от домашней ностальгии

Мы вымираем постепенно.

Вы — возвращаетесь частями

(И это правильно, ей-богу):

Стихами, письмами, звонками;

Не место выбрав, а дорогу.

И мы не сможем разминуться.

Вам хорошо. А нам — едва ли.

Вы можете уже вернуться,

А мы — еще не уезжали.

Декабрьская поэма

Отрывок

Декабрьский наш город,
у став от морозов ноябрьских,
Темнеет, сыреет; луны золотистая долька
Лишь светит ему,

как рассказчице сказок арабских;

А сотни столбов — для того,

чтоб считать их, и только.

И вечером поздним

идти по бессмысленным шпалам.

Не слышно трамвая,

лишь ветер о чем-то лопочет...

Ну что в этом городе было такого, что мало

Теперь за него только мерзкой

по-зимнему ночи?

За что наказание — за то,

что смеялись и ели

Бычков понтэвксинских,

клешни полудетские раков?..

Пока что мы живы и спим,

как привыкли — в постели,

И в худшее время —

нельзя в этом городе плакать!

Одесса.

Илья РЕЙДЕРМАН

Валерию Хаиту

С утра жара. Бунтуют Цельсий и Фаренгейт. Термометр врет! А ты трудись и мыслью целься за книги твердый переплет. В ней тиснут ли тебя, не тиснут? Ты в списках, где дадут гроши? А ты живи — пусть раки свистнут! А ты пиши. А ты — паши. Не будь немым и безответным — ведь в небе ширится дыра! Он жжет — огонь бессмертный в смертном. И что в сравненьи с ним — жара? Конечно же, прохладней — Лета. Самозабвенья бром приму. Я поднят ввысь волною света и сброшен вниз, в живую тьму. О, слава свету, слава зною! Крещен жарой. Крещен бедой. Я — как картошка под золою — испекся. В шкурке золотой.

Мир нужно захватить врасплох — когда он не готов, не скроен, когда на холоде продрог или же чем-нибудь расстроен. Когда не смотрит в объектив и не позирует парадно, когда не очень-то красив, когда одет неаккуратно. Мир нужно захватить врасплох: вот дверь нечаянно открыта, ну а за ней — то плач, то вздох или просто судороги быта. Вот жизнь, забывшая о том, что есть Всемирный Соглядатай, не одержимая стыдом (а что творит — хоть стой, хоть падай!). Понять ее — не в красоте, не в истине, не в миг полета. Но в повседневной суете — Увидеть истинное что-то. И пусть он, мир, и плох, и лжив, забыл о правде сокровенной, а все же был живой порыв, пусть очень краткий, пусть мгновенный! Его бы только подглядывать. Он между слов и дел, он — между

всего, что живо лишь на треть. Но, значит, есть еще надежда.

Жизнь гениальна и проста. Как удержать? Неумолима! Она целует нас в уста и мчится, словно ветер, мимо. Но ствол, порывом потрясен, раскачивает веткой важно, листе же — словно снится сон о жизни близкой, жизни страшной! Она ведь слабенький листок сорвет, неся в такие дали! И завопишь, что мир — жесток. Прекрасна жизнь... Добра? Едва ли! Жизнь гениальна и проста для тех, кто в силах жить без страха. А для страшущихся — пуста (они и сами — горстка праха). Лицом к лицу встречать порыв судьбы, стихии, жизни, воли. И отвечать: я жив, я жив, открыт для радости и боли. Жизнь гениальна и проста. Не удержать — ей все неймется. ...О, Жизнь, целуй меня в уста — пусть даже сердце разорвется.

Когда уже — на финишной прямой, то жизнь — в прекрасной подлинности длится. И можно каждым мигот наслаждаться и осенью глубокой, и зимой. Ведь жизни нить тонка, а рвется — все, что тонко. Давай глядеть без страха в полутьму. Пусть время — власть теряет. Ни к чему спешить. Как ясно: бесполезна гонка! Прийти — не первым. Глупо опоздать. Мгновению позволить задержаться. Как книгу, жизнь медлительно листать, и дать всему, что быть должно, свершаться. И времени голодному назло испить сполна все радости, все боли. Нет будущего. Прошлое ушло. Есть только то, что есть сейчас, не боле! И жизнь уже не сказочная птица — тобой заслуженная радость дня. А лампы свет, что падает на лица, с тобой сближает ласково меня.

Одесса.

Галина ФЕДЯЕВА ВСТРЕЧА

...Спорить было бессмысленно — оставалось ждать.

Радан устало захватил ручку дорожной сумки и волоком потащил ее к выходу. В этом образе читалась некая обреченность, хотя сам мужчина сейчас был далек от этого состояния.

За спиной, в маленькой комнатухе, шебаршилась маленькая женщина, переполненная возмущением по поводу горькой женской доли. Она молчала, но тот шорох, что доносился до его слуха, наводил на мысль о том, как мечется по стенам коморки поток проклятий ему вслед, сотрясая не только самую старушку, но и нехитрый скарб этого помещения.

Размышления консьержки, как и предполагалось, были довольно активными. Да и беспокойство о том, что этот "любитель райских куц" может исчезнуть так же неожиданно, как и появился, не давало ей покоя. Внезапно она словно выросла за спиной гостя и сказала тихим примирительным тоном:

— Ладно, ради малого скажу. Лика на пляже "Отрада" — здесь пару остановок на трамвае. Мимо не проедешь — хоть на маршрутке, хоть на такси.

— А как найти?

— Вот чудной! Ты что, на море не был? Море одно, и берег тоже один, — развеселилась женщина. — Хоть пляж и большой, так приезжих-то пока нет — весна! А ты, раз уже приехал, походишь и найдешь — небось не стопчешься? Если она мидий собирает, значит, ходит у кромки воды — иди вдоль моря, по песку.

— А вещи на хранение возьмете?

— Да ладно уж, заноси, а то смоешься... ищи потом тебя еще десять лет, — пробурчала она не зло — так, для острастки.

Радан в несколько больших шагов преодолел расстояние от выходной двери до окна консьержки и уже быстро направился к выходу, прошмыгнув мимо медленно идущей старушки. Но пару секунд спустя вернулся. Женщина еще стояла на пороге каморки и испуганно воззрилась на раздумянное от быстрого ходьбы лицо гостя:

— Неужто передумал?

— Мне вот только кое-что нужно взять обязательно с собой... обязательно.

— Бери, — радушно согласилась, — тока не шуми — дите разбудишь. Ишь, разбегался. Ты уж поторопи ее там, — почти приказала старуха, — малой в школу опоздает!

Она еще что-то говорила вслед, но Радан уже бежал к остановке и спустя каких-нибудь десять — двенадцать минут его ноги ступили на выложенную плиткой аллею, убегающую в глубь парка, к пляжу.

Первое, что он ощутил — это дух моря: оно было где-то рядом и притягивало своим неповторимым дыханием. Парк, раскинутый по склону, скрывал его образ "ширмой" из деревьев, преимущественно — акаций и дикой маслины, а потому для того, чтобы увидеть море, нужно было еще идти. Тем не менее, ощущение присутствия этого огромного "существа" было реальным — бриз уже распаханул свои объятия, лаская влажной "ладонью" всех, кто пришел на весеннее свидание с ним. Идти было все тяжелее — ноги от волнения становились ватными. Более того, возникло ощущение, что бредет по колено в воде — каждый шаг давался с усилием.

То ли он был слишком занят собственными эмоциями, то ли, как любой, идущий на свидание, обычно бывает захвачен врасплох, но море открылось совершенно неожиданно

и залило полнеба, поглотив весь горизонт "солнечными зайчиками" "гарцующими" на мелких волнах, ослепив в одно мгновение.

Это была первая встреча — он никогда не видел моря. Радан ожидал чего угодно, но это ощущение не было похоже ни на какое иное прежде прочувствованное им.

2

Он раньше думал: "Любят люди превосходные формы выражения восторга — ах, море! Ну чем оно особо отличается от большой реки или озера? Ну, воды больше, а что еще? Пляж? Так он везде пляж, что на реке, что на море".

Теперь же мужчина остановился, как вкопанный, ошеломленный невиданным ощущением. Глядя на эту громаду, готовую поглотить, осознал, что лишь теперь ясно, почему он не мог понять впечатления других: море — это стихия, как и горы... даже философия! О стихии нельзя рассказать, все равно что делиться впечатлением от первого поцелуя — это нужно только лично чувствовать!

Ошеломляющее открытие — оказывается, в Одессе солнце рождается морем! Теперь можно понять, почему у греков богиня утренней зари — Аврора: в этом имени — созвучие не только потока света и всплесков воды, но и обещание невероятного счастья.

Какое сегодня необычное утро — это не утро, а кладовая открытий в мире и себе самом!

Подойдя ближе к кромке воды, Радан понял, что море не только огромное, но и довольно шумное существо, забыть о котором было нельзя, даже если закроешь глаза и отвернешься. Но если, отдыхая у горной реки, ты наслаждаешься всеми звуками — они тебя ласкают, то сейчас он чувствовал агрессию, исходящую от этой стихии. И тут же решил, что отдохнуть у моря — это не для него.

Чувство тревоги невольно заполняло все его существо. Оглянувшись, он увидел, что действительно, как и предвещала старушечья, людей было немного — несколько человек прогуливались по аллее над пляжем. Обозорно пробежав глазами по береговому "убранству", он вновь вернулся взглядом к кромке волны. Вдали, у самой воды, стояла маленькая фигурка человека — уж очень маленькая, чтобы быть Ликой.

Еще раз осмотревшись, он решил двинуться в сторону одиноко прогуливающегося человека. Решение было спонтанным, и объяснил он себе причину такого действия очень просто: любой гуляющий сможет ему помочь найти Ликю по словесному описанию и рассказать, видел ли такую женщину.

Радан шел, утопая новыми туфлями во влажном песке, и смотрел на безбрежную морскую даль, теряя контроль над игривыми, задиристыми волнами. Песок у самой воды был плотнее, и, если ступать по нему, можно было не так сильно проваливался, но именно там и волны угрожающе накатывали, стараясь "ухватить" не только обувь, но и брюки. Пару раз ему пришлось клоуновски подскокить, чтобы избежать очередного набега, потому что задиристые волны коварно "лизнули" его ботинки, просочившись холодом до пальцев.

Период адаптации проходил достаточно бурно, но Радан не выпускал из виду одинокую фигуру — если исчезнет и этот любитель озона, то и не у кого будет спросить. Он все ближе подходил к человеку и по мере приближения понимал, что это не маленький чело-

век, а довольно высокая женщина. Просто рядом с такой машиной, как море, все кажется мелким, особенно на расстоянии. Вон и корабли на рейде совсем игрушечные. Он остановился. Можно было не торопиться — женщина шла в его сторону.

Радан разложил на песке целлофановый пакет, что взял из своей дорожной сумки, и уселся, вытянув перед собой уставшие ноги. Он стянул со ступни туфлю и попробовал вычистить — потряс. Влажный песок налип на носки и на внутренние стенки обуви. Попытки быстро избавиться от пляжного наполнителя были тщетными. Пришлось снять носки и с их помощью вымывать въедливые песчинки, доставляющие дискомфорт при ходьбе. В куртке, под которой был еще и зимний свитер, он воспринимал себя белым медведем, по ошибке попавшим в Каирский зоопарк. К тому же, сидя в неудобной позе, он был неуклюж и неловко справлялся с простой, казалось бы, задачей.

От усилий он даже вспотел. Плеск волны, шумно рассекаемый чьими-то энергичными ногами, заставил его отвлечься от своей проблемы.

Взглянув в сторону воды, он увидел стройные ноги, шлепающие по волнам, как

3

непослушный ребенок по лужам, ибо женщина была одета в легкий плащ, а не в купальник. Джинсы были закатаны до колен, но более светлый край отворота был уже явно влажным.

Картина была шокирующей, так как у Радана, сидящего на холодном песке, ступни превратились в ледышки и ему показалось, что все его разогретое тело пронизала дрожь от одного взгляда на эту женщину.

Он замер, наблюдая: это была она! Теперь объясним озноб — волнение давало о себе знать. Конечно, были сомнения, так как он не должен был вот так сразу узнать ее. За эти годы неоднократно ему мерещилось, что в толпе он видит именно ее, и каждый раз, всмотревшись, убеждался, что выдал желаемое за действительное.

Вот и теперь могло стать так — зная то, что Лика должна быть здесь, он готов узнать ее в первой же встретившейся женщине. Сейчас Радан видел лишь ее профиль — он был ему знаком.

Женщина шла, полностью погруженная в свои мысли. Она не походила на бодрую морскую здоровячку — для этого была уж слишком бледна. Периодически наклонялась и доставала что-то из воды, затем, остановившись, рассматривала находку, очищала, видимо, от песка и водорослей, только потом или бросала в воду, или же складывала в ярко-желтый целлофановый пакетик. Эта сосредоточенность женщины позволяла ему рассмотреть ее внимательнее.

Его озноб уже сменился жаром, а солнце разогрело еще сильнее. Здравый смысл мог поспорить с ним на предмет реальности, приведя в качестве довода банальный мираж. Из разного рода литературы ему было известно, что мираж является точной копией настоящей жизни, протекающей далеко от данного места: море может казаться реальным, люди будут двигаться и спешить по делам. Лишь время спустя видение исчезнет, оставив после себя пустоту.

Эта мысль подстегнула его двинуться за ней следом. Сунув носки в туфли, он легко поднялся и побрел в ее сторону. Тем временем женщина остановилась и вышла на песок. Расселив на берегу что-то вроде покрывала, она бросила рядом тапочек и плюхнулась на колени, раскладывая и перебирая содержимое пакета с находками.

Благодаря песку и шумному говору волн Радан подошел к ней достаточно неслышно, хоть меньше всего ему хотелось пугать ее своим неожиданным появлением. Он встал так, чтобы попасть в поле ее зрения. Однако Лика не подняла головы выше его босых ступней. Тогда он встал перед ней на колени, точь-в-точь так, как стояла она.

Сколько взглянув на него, она не ойкнула, не вздрогнула — не произнесла ни слова. Лишь бегло цепким взглядом осмотрела его лицо и резко опустила ресницы. По чересчур бледной коже растеклась ожоговая краснота, которая тут же поблекла, оставив на щеках яркий след в виде неровных пятен румянца.

— Вот, решил, наконец-то, увидеть море, — нарочито небрежно начал Радан.

— Так пойдй окуни руки в воду — поздоровайся, вернее, познакомься, — сказала она настолько просто и обыденно, словно разговаривала с сыном, который при ней постоянно.

— Ты говоришь о море, как о человеке.

— Так оно и есть — море почти человек, только лучше. Сколько бы к нему ни прихотила, оно всегда разное: то ласковое, то возмущенное, то томно-флегматичное, то философски-задумчивое, а то говорливое... Море для меня — и собеседник, которому можно всю душу вывернуть, — со всей откровенностью призналась Лика.

— Для меня это открытие... надо же! Да только водные процедуры мной не планировались, — отказался гость.

— Зачем тогда к морю ехать? — убедительно удивилась она.

4

— Тебя, старушку, навестить да о жизни поговорить...

— "За жизнь", — поправила Лика, — у нас здесь говорят: "за жизнь поговорить".

— Хорошо подмечено — вроде заменен всего один предлог, а значение становится глубже. Действительно, "о" в данной ситуации слишком обтекаемо, даже сторонне, вроде о чужой жизни собираемся поболтать. Мы же должны "за" нашу с тобой сказать слово...

Не получив ответа, он снял куртку, пиджак и... бросил на песок. Оставшись в свитере, брюках и без носков, Радан решил, что для приветствия вполне нормальная одежда. Теперь, ступая босыми ступнями по холодному песку, он не чувствовал особого дискомфорта, даже ощутил определенную долю бодрости. Однако когда сделал шаг в воду, то тут же отскочил назад: это же надо, при таких жарких лучах — ледяная вода! Столь не связующиеся ощущения отозвались знакомой ассоциацией где-то глубоко в подкорке, там, где живут давние события своей тихой жизнью и обычно тревожат только по ночам. Он замер, прислушиваясь к себе, легко улыбнулся и окунул руки в набежавшую волну.

Возвращаясь к Лике, Радан почувствовал, что в момент, когда солнце скрылось за одинокую тучку, ветер с моря окреп и стер фрагмент лета из контекста данного пляжа — захотелось натянуть теплую куртку.

Лика сидела, глядя вдаль и, казалось, не замечала перемены в погоде, лишь непроизвольно поеживалась. Радан поднял свою куртку и вынул из ее недр шуршащую упаковку:

— В дороге я вспомнил наш с тобою давний разговор. В плену ты рассказывала о двух стариках на пляже под одним пледом... Тогда ты сказала, что для тебя это символ счастья людей, проживших вместе целую жизнь. Мне очень захотелось осуществить ту самую давнюю мечту о том, что когда мы будем...

— Но мы не старики, — отрезала Лика.

— Когда мы станем ими, будет слишком поздно...

Украина.

Инна ШТЕЙН ЛЮДА

Люда уехала в семьдесят девятом. Все уезжали, и она уехала. Только стадное чувство тут ни при чем. Ей нестерпимо хотелось переменить жизнь, увидеть другое небо, другие города и самой стать другой.

Многие из тех, кто уехал, начали тосковать по городу детства и юности, лучшему в мире, да что многие — почти все. А Люда — нет. Родителей она взяла с собой, вот именно взяла, как два старых фибровых чемодана с тусклыми металлическими уголками, двенадцатилетняя дочка Аннушка — единственный ребенок — а идише кинд, считавшая одноклассников недоумками и влюбленная в Александра Великого, была при ней — так чего же тосковать?

При отъезде возникли, правда, проблемы с мужем Витей. Вот уж кто совсем не хотел никуда уезжать. Ему и в Одессе было неплохо. Работал он главным энергетиком большого завода, и синекура эта, вызывавшая презрительную усмешку у инженеров и рабочих, вполне его устраивала. Не прочь он был и погулять, причем относился к своим многочисленным барышням настолько несерьезно, что ему и в голову не приходило скрываться у хаттах и прятаться по углам. Узревши его на Дерибасовской с очередной феминной, друзья и родственники тут же об этом Люде и доносили. Так что она была в курсе.

Нежелание покинуть Одессу было у Вити настолько сильным, что притянуло к нему несчастье. При забивании одного из ящиков с предназначенными на вывоз бибихами (Боже мой, чего только люди не вывозили, включая отполированные до ослепительного блеска тяжеленные казаны! Без них, конечно, в Америке было никак. Хотя какая такая Америка? Все ехали на историческую родину) гвоздик отскочил и попал Вите прямо в глаз. В правый. Люды дома не было, она носилась по городу, решая множество накопившихся перед отъездом проблем, и Витя вызвал скорую сам. Его отвезли на Ольгиевскую, сделали срочную операцию, оказавшуюся крайне неудачной, потом еще две, по сравнению с которыми первая была чудом микрохирургического мастерства, в общем, на правый глаз Витя ослеп. Окончательно и бесповоротно.

Печальное это событие отнюдь не отменило отъезд, а всего лишь отодвинуло на полгода. И все Витины сцены у фонтана, сопли и вопли о руке судьбы оказались напрасны. Положенную бутылку шампанского на вокзале распили, бокалы разбили (пластиковых стаканчиков тогда не было и в помине), и страшно было смотреть на слезы,

катившиеся из Витино слезного глаза. Слезные железы работают исправно и у слепых.

В Америке все изменилось с точностью до наоборот. Витя стал примерным семьянином, шагу не мог ступить без своей Людочки, вцепился в нее всеми четырьмя лапками. А может, и шестью. Люда освоилась мгновенно и, хотя образование у нее было среднее техническое, стала совершенно незаменимым инженером-конструктором на предприятии, выпускающем медицинское оборудование. Благодаря ей американские диабетики получили устройство, автоматически впрыскивающее инсулин куда надо и когда надо. До нас это устройство еще не дошло.

Витя, несмотря на свое высшее образование, долго не мог устроиться, но потом все наладилось: он занимается монтажом систем наблюдения, ну, щоб няка падала в особняк не залезла, и поглядывал столько роскошных домов, что нам раньше и не снилось. А сейчас тоже нет никакой необходимости падать в объятия Морфея, стоит только проехать по окрестностям. Там себе и падайте на здоровье.

Люда уже несколько раз поменяла дома, она в свободное от конструирования время немножко занимается риэлторством (ну, маклер она по-нашему), так что и дом подходящий найти не проблема, и с бабками все о'кей.

В последнем доме я две недели гостила вместе с десятилетним сыном Павликом. Свидетельствую: дом большой, бассейн большой, сад не очень большой (земля в Лос-Анджелесе почти такая же дорогая, как в Совиньоне-1, 2, 3), но очень красивый. Дом убирает мексиканка, бассейн чистит пуэрториканец, за садом ухаживает негр. Пардон, ой, нет, тысячу раз пардону просим — афроамериканец.

В Америке сыночек употреблял исключительно гамбургеры с чизбургерами и стал маленьким толстым америкосом, правда, мозги остались отечественными.

— Моя внучка учится в школе для одаренных детей, — сказала мне тетя Женя, приглашенная на сборняк в честь нашего приезда, — но она не такая умная, как твой Павлик.

Сказать такое для тети Жени — это великая победа над собой.

Кроме диетических продуктов из "Макдональдса" Павлик все две недели в умопомрачительных количествах поглощал мороженое. Ничего плохого, кроме хорошего, сказать об американском мороженом не могу. Идешь по ихнему супермар-

кету, а с двух сторон холодильники стоят, а в них — мороженое, мороженое, мороженое...

Сначала Витя смотрел на Павлика тоскливым взглядом, потом жадным, потом злобным, потом и сам стал лопать мороженое — плюнул на диету.

— Ты на Витю не обижайся, у него было тяжелое детство, — сказала мне Люда.

— У всех у нас было тяжелое детство, — огрызнулась я, выведенная из себя косяками, которые бросал на моего бесценного сыночка взрослый дядька.

Страшная штука — материнский инстинкт.

— Нет, ты не понимаешь, — покачала головой Люда. — У нас почему была фамилия Расторгуевы? Витиных родителей расстреляли, и он несколько месяцев скрывался, голодал. Его потом русская семья спасла. Вот этот голод в нем очень глубоко сидит и время от времени наружу вылезает. Он увидел, как Павлик мороженое ест, и его заводи взяли.

А фамилию Расторгуевы Люда с Витей поменяли. Точнее, сделали ей обрезание. Они теперь Расторы. Тоже красиво. Почти Асторы.

Так вот, Люда совсем, совсем, ну абсолютно не скучала по Одессе. Мне это слышать было обидно, тем более что Люда со своим полным отсутствием ностальгии была искренна, не кичилась и не огорчалась, просто лучший в мире город был ей без разницы. Ну что делать? Усе тикеть, усе меняется. И Люда изменилась. Даже любовника себе завела. Только, как женщина честная, она сразу же Вите об этом сообщила, собрала шмутки-монатки и к своему халю ушла.

Мне об этом Люда рассказывала, когда мы в шезлонгах, как белые люди, у ее бассейна сидели. И как я в этот бассейн не свалилась?

— Витя каждый день мне звонил, уговаривал вернуться. А потом сказал, что повесится. Я и вернулась. Если бы он это сделал, я бы жить не смогла, совесть бы замучила. К тому же я все время вот это вспоминала.

И она плавно так своей крепкой загорелой рукой обвела весь лично ей принадлежавший пейзаж: и дом с французскими окнами, и бассейн с джакузи, и сад с розами, беседкой и фонтаном. Толстый мраморный лев выплевывал из разинутой пасти тоненькую струйку, толстый черный пудель — еврейская собака по фамилии Пудельман — сидел у Людиных ног, и все это действительно было таким домашним, таким уютным, таким до оскомины красивым, что я, наконец, поняла, что мерзкой тетке Ностальгии здесь делать нечего.

Мы с Людой изредка общались по телефону, потом стали слать друг другу e-mail'ы, я продолжала звать ее в Одессу, но делала это только из вежливости. Знала, что не приедет.

И вдруг она приехала. Через двадцать

пять лет. Всего на три дня. Вообще-то она ехала в Париж. Без всякого дела. И совсем не срочно. Просто погулять. А потом — на Лазурный берег. Так почему бы, если ты уже в Европе, а билеты такие дорогие, и не взглянуть в Одессу?

Первую ночь Люда спала у меня. Павлик — мрачный, худой, небритый юноша, антиглобалист и антиамериканист — был выселен в родительскую комнату. Продавленный диван, впившийся в молодое тело всеми своими пружинами, стал последней каплей, окончательно убившей сына, что Америка — отстой.

Мы засиделись далеко за полночь, болтали, не переставая. Есть люди, и их совсем не много, с которыми можно говорить обо всем на свете, как бы долго вы не были в разлуке.

Я уже совсем было собралась идти спать, когда она попросила меня найти в Интернете ее старого знакомого.

— Ну, если фамилия редкая — попробую, а если Иванов — звиняйте.

Фамилия оказалась редкой, и я сразу же нашла и адрес, и телефон.

Что-то странное произошло с Людой, когда она взяла листик, на котором я их записала. Куда делась центровая, деловая, дважды в неделю посещающая спортзал американка, конструкторша и риэлторша, давно забывшая, как пахнет акация, когда ты целуешься с мальчиком в парке Шевченко?

Когда я шла из туалета, то услышала, как она звонит по телефону. Было три часа ночи.

В семь утра раздался звонок в дверь, муж и сын самозабвенно храпели, я пошла открывать и увидела на пороге незнакомого мужика, довольно-таки побитого молю, но с такими молодыми, сумасшедшими глазами, что мне стало... страшно? Да нет, заочно! Не надо было особого ума, чтобы догадаться, что это.

— Можно Люду? — спросил он так, как будто от моего ответа зависела его жизнь.

Можно, очень даже можно, почему нельзя? Тем более что она уже вышла в коридор совершенно одетая, волоса по полу дорожную сумку на колесиках.

Увидела я Люду только в аэропорту. Мы поцеловались на прощание. Я отошла в сторону и, нет чтобы отвернуться, смотрела, как они стоят, обнявшись, как не могут оторваться друг от друга, как их тела в последнем судорожном усилии хотят вобрать, запомнить, сохранить каждую черточку, каждый изгиб, каждую морщинку.

Больше Люда в Одессу не приезжала.

— Если бы я знала... — сказала она мне по телефону.

Если бы мы знали...

Интересно, Люда Одессу увидела? Хоть краешком глаза? Лично я сомневаюсь.

Одесса.

Александр СЕМЫКИН

Моя Одесса

К ней бы в ноги пасть, молиться,
Целовать — люблю, знай, дескать...
Кто-то жаждет за границу,
Я — тебя, моя Одесса!

Где бы черти ни носили,
Только тут смогу быть счастливым,
Ощувив тепло и силу
Мостовых твоих брусчатых.

Сердцем намертво приварен
(Не ломать, не пробуй даже)
К этим улочкам, бульварам,
Рынкам, дворикам и пляжам.

Всё здесь будто про меня и
Обо мне твои печали...
Ни на что не променяю
Вездесущих наглых чаек

И возможность ночью с пирса
Прыгнуть рыбкой в гладь морскую:
"Здравствуй, Черное! Не спится?
Не по мне ли ты тоскуешь?"

В настроение любое
Ты мила всегда, Одесса.
Это даже не любовь, а
Часть судьбы, глоточек детства...

Ушел герой

Ушел герой... Лишь стул из гарнитура,
Ручной работы ("Мастерская Гамбса"),
О гнутых ножках лаковой фактуры,
Застыв, на Дерибасовской остался.

Ушел герой... Смахнет слезу украдкой
Бедняжка Грицацуева вслед мужу:
Красавец-бог с тигриной повадкой —
О, как он ей сейчас, поверьте, нужен!

Ушел герой... Мелькнул за поворотом
Подметкой "апельсинного" штиблета.
И шарф, концом цепляясь за ворота,
Не смог сдержать того, кто канул в Лету.

Ушел герой... Закрыв на ключ эпоху
Романтиков и искрометных шуток.
Ах, боже мой, как было бы неплохо
Вернуть его хотя бы на минуту!

Ушел герой... Безмолвно... Тихо вышел...
Унес мечту — каемочкой на блюдце.
И где-то там, не в Рио, а повыше,
Нам Ильф с Петровым грустно улыбнутся...

Спящий город

Спящий город ночью сказочно волшебен —
Наклоняясь над брусчатой мостовой,
Ощуцаешь, как ворчит о чем-то щепень,
Как из луж крадет луну полночный вор.

Как сопят во сне усталые витрины —
Потускневшие наряды, блеклый грим,
Как являют теплый свет свой изнутри нам,
Глазки желтые сощутив, фонари.

Не старайся рассмотреть,
а просто чувствуй
Легким пульсом синей жилочки виска,
Как подернулись фонтаны нежной грустью,
Разобрав далекий щебет ручейка.

И еще: как в танце кружатся деревья —
Под зеленый шелестящий венский вальс
Тихо топчут, якорям корней не веря,
В такт пружинящий и дышащий асфальт.

Как со стен домов струится мягкий воздух
И от крылышек пронеры-мотылька
Раздувает пыльно-каменные ноздри
Старый город — задремавший великан...

Украина, Ильичевск.

Александра ШУМИХИНА И Т О , И Т О

Север — юг, восток — запад.
Четыре стороны ОДНОГО света.

Осень, зима, весна — для меня это Питер. Северная Пальмира. Лето — это Одесса. Южная Пальмира. Все четко. Какое-то время.

Одесса, лето. Поезд, вокзал, встреча. Все друг друга тискают, обнимают — не отдышаться. "Вечер через вечер" — в гости к родственникам. Пешком по летнему городу. Туда — деловитым шагом, обратно — томным. Или на катере вдоль побережья. За ним — шипящий пенный хвост бурунов, над ним — плотная стайка чаек. Это еще и аттракцион — бросать чайкам на лету хлеб.

Неизбежная жара. Или даже настоящий зной. Все пляжи — с раскаленным песком и раскаленными телами. Некоторые умы тоже перекалены: "Чтоб вы уже провалились!.." — "Это вы нам?" — "О! Вы еще здесь? Да пошли вы... и тех прихватите!" А через пару шагов кто-то громко подзывает: "Идите, идите сюда! Да-да, вы. Не, мы не знакомы. Просто сейчас мы положим ноги и уходим. Ложитесь тут. И пусть тот фраер поперхнется — вы к воде ближе!" Отдыхающие поразительно разноцветны! В смысле загара тоже. Черный, бронзовый, бледный загар. Красный, как у вареного рака. У нас пока брыззовый загар. Как у коровьей брызги на "Привоже". То есть еще никакого "цвета кожи".

Неподалеку картинка: дитё кушает куриную ножку, мамаша достает широкий термос. Думаете, там холодный компот? Как раз наоборот. Горячий суп. Она наливает в тарелочку и дует, "чтоб остыло". Мы таращим глаза. Мамаша с извинительной улыбкой оправдывается: "Жидкое он ест только на море". Само высказывает: "А зимой?" Она отвечает: "И зимой тоже". Похоже, дитё просто любит море. И летом, и зимой.

Вода "на море" теплее парного молока. Освежает, если отплыть подальше и купаться "до посинения". Семечки, мидии, рачки. Оторваться раньше, чем наступит отвращение, невозможно. Но по дороге домой аппетит успевает вернуться. И извертит.

Все лето — райское изобилие рыбы, овощей, "фрукты". Обед поздний: когда "солнце спадет". В глубокий погреб босиком — это "для местных". А наши ступни после базальтовых булыжников его лестницы отогреваются минут пять. За дверью погреба, под солнцем, крынка с молоком мгновенно скользит из рук от "испарины". Не дай Бог нахлебаться этого молока еще в погребе, стоя босиком. Сразу ангина. Проверено.

С утра — каждому "в руку" свежее яйцо, только что из-под курочки. За завтраком иногда свежий ветерок даже овеивает. В эти часы еще легко дышится. Потом душно в любой тени. Освежить — это сланг прямо "из-под крана". А летний душ — это "баня". В его баке постоянно "кипятят" от постоянного солнца. Одежда во дворе дома — только купальник и босиком. Жизнь "на воздухе" круглые сутки. В "самую спеку" — ночевки под открытым небом, под звездами "с кулак". Под неистовый стрекот сверчков. И сны пахнут маттиолой.

Привычный летний экстрим — на дачу в кузове полупного грузовика. Полдороги — "грунтовка". Машина едет в клубах степной пыли. И всю дорогу густое, непрозрачное облако её догоняет, обнимает и не отстает, как восторженная родственница.

С одной стороны дачи, в двадцати метрах от забора, плещутся мелкие и мутные воды Днестровского лимана. С другой — волны Черного моря, но в двадцати минутах ходьбы, если вальжной "отпускной походкой".

Над морем — восход солнца. Над лиманом — закат. Нет ничего, что может сравниться с ночным купанием в море. Под звездами. Прямо по расплаву лунной дорожки. Обязательно в натуральном виде. И, если море "фосфорится", то каждый всплеск рук и ног мерцает мистическим светом.

В город можно вернуться с дачи и другим способом. Медленным-медленным (никакого терпения не хватает!) пригородным поездом.

А вареная кукуруза (пшенка), херсонские арбузы (кавуны) — это лето идет к концу. Скоро прощание с Одессой до нового лета. Поезд на север — это последнее "еще летнее" развлечение.

Наконец, Питер. Витебский вокзал. Двадцать минут на электричке — и "лицейский" город Пушкин. Там наступают осень, зима, весна. Но не только.

Наступает результат трех месяцев пребывания в Одессе. Он в Питере, как и загар, сразу в глаза бросается и долго еще держится. То, что появился акцент и какой-то "другой язык", еще ничего. Можно подумать! Неплохое развлечение для окружающих. Тем

более что "с Одессы" звучит не хуже, чем "из Парижа". Хуже, что незаметно для тебя изменилась твоя реакция на все, что угодно. Определенно! Становится труднее скрыть (особенно на лице) свое отношение там, где у питерцев принято сдерживаться. Да. У одесситов здесь "короткое расстояние".

Только не надо говорить "про южный характер". Как будто уроженцы Питера погововно все не темпераментные!

А как насчет вполне "сознательного проявления" любого темперамента? Глубины или чистоты с любого "расстояния"? Кстати, это всем "помогает жить". Не только одесситам или питерцам. "Чистота" — это следить за тем, что вдруг взбрело в "глубину". Именно в твою голову. Потом уже радоваться или возмущаться тем, что об этом появилось в голове у кого-то другого.

Относится это к голове. Не к врожденным особенностям. И не к географии. У одесситов и у питерцев в головах, как и у всех людей, "тараканы" одинаковые. Секреты жизни с ними — это да, свои. И для меня осенью, зимой, весной работают питерские секреты. Сами питерцы помогают. И Питер.

Осень. Лазурная синь неба, светит яркое солнце, а все равно холодно. В парках жаркий "багрец и золото". Упорно кажется, что возле таких деревьев намного теплее. От глотка воды из родника-фонтана холодом ломит зубы. От взгляда на беломраморные статуи ежишься сильнее — сочувственно. Они, кажется, одеты не по сезону еще больше, чем бронзовые. Но красота такая, что с холодом просто свыкаешься.

Под ногами или мягко шуршит листва, или приятно хрустит мелкий гравий. Если ноги устали, можно и на лодке поплавать. Вокруг Чесменской колонны. Туда-сюда под низкой аркой Мраморного мостика. Мимо Турецкой бани к Концертному острову. На нем — небольшая высадка и бутерброды в компании уток.

Сквозь поредевшие от листвы деревья мелькает церковь Екатерининского дворца. Луковки у нее на куполе покалывают глаза золотыми лучами. Хрустят зеркальных прудов тоже слепит. Кружит голову повторением "чертогов и небес". Тяжелые бусы из желудей тянут шею. Букеты из листьев пахнут черносливом.

Сны осенью под монотонный дождь в окно. Зима. Метельные снегопады, сугробы, крепкий мороз. Скрип его под ногами не только слышится, через подошву ощущается. Жизнь под электрическим светом. В школу — еще темно, из школы — уже темно.

Парки зимой открыты снегом и скованы морозом. Их красота становится строгой — нахмуренной и парадной, как у офицера в почетном карауле.

Снежный и морозный Новый год длится десять дней. В театры, в цирк, в музеи — всем классом. На непрозрачных от мороза окнах электрички теплым дыханием все "делают глазки". А в окнах вагонов метро перемигиваемся, как через зеркало. Домой едем "громче" — делимся впечатлениями.

Лыжи, коньки, санки с горки. Это — до бесчувствия. От одежды "с улицы" — густой пар над батареей, под ней — маленькие лужи. После этого — сон: мгновенный, как оживляющий счастливый обморок.

Весна. Вечно промокашие ноги. Пушистые "зайчики" на вербе. Первые подснежники. Поездки на велосипеде за фиалками, ландышами, незабудками. На ливневнице — мягкие и миниатюрные розочки. На черемухе — пахучий дурман белой пены. Целые поляны пахнущей медом мать-и-мачехи. А над ней — густой гул шмелей.

К празднику Победы — открытие очередного зала в Екатерининском дворце после реставрации. На выходные туда — по многу раз. Рассмотреть подробно, с наслаждением. Не торопясь. Теперь эти залы "помнятся", как стены и предметы в квартире родного питерского дома.

Медленно и неуклонно наступают белые ночи. Засыпаешь, а еще светло, как днем. Перед сном считаешь дни до отъезда на юг. Снится Одесса.

Питерскую осень, зиму, весну к одесскому лету присоединял поезд. Реже — самолет. И этот "порядок вещей" однажды изменился. Мы переехали в Одессу. Осень, зима, весна и лето соединились. Все времена года стали "одесскими". Оказалось — большая разница. К Питеру, питерцам и той жизненной среде крепко привыкли. А к Одессе — только с одной летней стороны. Всем пришлось по-своему "переболеть".

Переехали в октябре. Обвал эмоций. И это осень?! Новый год — и без снега?!.. А то.... А это.... Но все это неплохо лечила сама Одесса. И одесситы.

Осенью здесь красок не меньше. Красота другая. Щедрость ее — не только на глаз. На запах, на вкус, на вес. И не только на рынках. В каждом садике висят наливные яблоки или груши. Невиданного колера и калибра гроздь винограда. В огородах шары и кегли тыкв (кабаков).

Осенью в городе стойко пахнет хризантемами. Они цветут всеми цветами радуги. И всеми "видами": стоят шарами, свисают гирляндами, кустятся зарослями, стелются коврами. Некоторые цветут до серьезных заморозков, как и некоторые розы. И всю осень на каждом углу — зелено-полосатые пирамиды шелковых на ощупь арбузов...

А желудей "просто так" не найти. Зато много плоских длинных стручков. Одни изящно свернуты в широкие спирали. Их можно надевать на руку, как египетские браслеты. Другие свисают с высоких деревьев, как бахромы, узкими и прямыми шнурками. После дождя концы этих шнурков искрятся каплями воды, как подвески на канделябрах. А третьи стручки — это уже почти готовые свистульки.

Холодает незаметно и приятно — бархатно. А как только сорвется сильный ветер, начинается веселое хоровое цоканье. Это на тротуары падают каштаны. Разлетаются их колючая шкурка. И каждый гладко-соблазнительный каштан пару раз громко подпрыгивает. Далеко катится и долго манит к себе дробным звуком кастаньеты.

Зимой шторм на море случается, сильнее летнего. На берегу стоит сплошной гул. Волна обрушивается на берег свирепо, с угрозой, как ударом кулака. Брызги над головой — как пристрел. Долгое пенное шипение, как предупреждение. Такие волны вызывают благоговение. Ощущается царственность природы. И Новый год без грамма снега — уже ерунда.

Потом сразу Рождество. Взлет эмоций — на каждое из пяти чувств! Впервые вживую пробуются кутья, узвар, штрудель. Песни и колядки — "сеем-сеем, посеем..." Перекрестное хождение крестников к крестным родителям. Ах, да! Кажется, вы хотели снега и морозов? На Крещение — обязательно. Ну, почти...

А Пасха? Это уже — таки да весна. Одесса насквозь, вдоль и поперек пахнет ванильной сдобой (и даже в те времена, когда в Питере об этом еще и упоминать боялись). Все цоканутся "крашенками" и трехкратно целуются. Пучками и грядками цветут нарциссы, гиацинты. Алые полянки тюльпанов горят, как маки. А вот каштаны не цветут — "разгораются" белыми свечками. В каждом переулке — куст-букет какой-нибудь сирени: белой, лиловой, персидской.

Тополиный пух висит на бровях, лезет в глаза, липнет к одежде. И носит его метелицей вдоль мостовой.

Зацветает белая акация. Одесса сразу — как будто вся в кружевах. Щедро и сладко надута. А как иначе? Она — "женского рода". Одесса — всем одесситам мама. Белая акация и ее аромат — не бренд города. Часть его сути. Ну а бренд — это сами знаете, для чего.

Но пришлось привыкать не только к одесской природе или "предметной" среде. Это нетрудно. Смушала разница между питерцами и одесситами. Но в себе. Оказывается, она уже глубоко, не сразу заметна, зато сразу ощутима на шкуре. Речь не о разнице "отношения" к чему бы то ни было. Это и так у каждого свое. Разница в "проявлениях" этого отношения. Помните? У одесситов здесь "короткое расстояние". Так вот. Это ни хорошо, ни плохо. Просто нужно привыкнуть. Как известно, "полный порядок" — это баланс внутри человека. Состояние равновесия души и ума. Эмоций и прагматики. Ничего хитрого, но вещь хрупкая.

При таком повороте, как наш переезд, у эмоций обвал и взрыв. И прагматика вся с нуля — дом, уклад, учеба, работа, окружение. Как вам баланс? Чем держать и то, и то? Вот тут у одесситов и есть свой секрет. А у нас есть его прививка.

Вспомним, что население Одессы образовалось из приезжего люда. Отовсюду! Вот когда приходилось "держат баланс"... Еще как! И лучше всего держит его — нет, не компромисс. Это уже во вторую очередь. В первую — смех, добрая ирония, самоирония. Это к компромиссу ведет быстрее, чем самые "тяжелые" аргументы. До них дело и не доходит. А компромисс без юмора — штука коварная. Все равно какой-нибудь "осада" останется.

Смех — универсальный человеческий инструмент для выживания. У одесситов он растворился в крови. Похоже на живость темперамента, но только намного ближе к голове. Скорее, как талант. Чуть-чуть чего-то врожденного плюс работа извилин. Без них не юмор, а хаханьки и попса. Тоже хорошо, но чуть-чуть "что-то не то". Это уже на вкус.

Кстати, а жизнь на "коротком расстоянии" и теплее, и крепче. И больше, конечно. Но уж точно — интересней...

Одесса.

Анна СТРЕМИНСКАЯ

Лета номер шестнадцать в дождях
и ирисах
в вишнях в черешнях
бегущих к Десятой
Фонтана
приди ко мне вновь хоть во сне
что все четче под утро
дай пролететь по тебе
на сверкающем
велосипеде
длящемся и исчезающем в памяти
светлой
ворох бумажек твоих танцевал
рок-н-роллы
под саксофон ветерка
а мальчишкам и
кошкам
было привольно в бездонном
расплавленном
небе
вечер к ногам нашим падал
созревшее
грушей
в гости соседи с вином молодым
приходили
папа играл
на своей самодельной гитаре
в окна к нам бились крылатые звери
ночные

Когда пространство ограничено судьбой,
то это не случайно — значит, вещи
хотят вниманья нашего, обои
предстанут картой мира в сетке трещин.
Трубач хмельной по улице моей
бредет, шатаясь, с похороном, играя
песню Утесова; лицо его красней
заката над домами, яблок рая.
И вот невольный он соавтор мой;
в судьбе моей все чаще так и будет.
Едино все. И мыслей пестрый рой,
и вспышки образов беру из царства
буден.

Я в рабстве у событий и вещей
больна стихами, что приходят градом.
Терпи, Агарь: изгнанные тяжелей;
терпи, Иов, болезнь — тебе награда.

Памяти моей бабушки А.Н. Романовской

...И море иное прольется над лодкой земною
и втянет воронкой единственного пассажира,
да выбросит так далеко, что молитва служила
о новопреставленной Анне

лишь нитью связною.
И Анна оставит свои упования, надежды
и мысли нехитрые старой одеждою бросит
ненужною. Жизнь остается

размеренной, прежней,
отсутствия материально, как проседе.
А в венах у этого города Черное море
пульсирует, бьется, смеется,

Слободку качает,
чтоб Анна уснула спокойно

и грозди чтоб вскоре
морскою водой налились и восторгами чаек.
Чтоб не было в жизни уныния. Бога любила
покойная, песни любила

(земля пусть ей пухом).
О том, что шаланды кефали полны,
в забвении говорила,
кефали полны серебристой

от речи до слуха...

Синий трамвай, и глаза его
грустны не в меру...

Осень бодра и подтянута по-офицерски —
дым от костров, как дымок сигарет кавалера
в форме. Разыграны старые, глупые пьески.
Все о любви, но сюжеты избиты и вялы,
ну а подмостками — улицы, бары, квартиры.
Все безнадежно,

и кружится лист ярко-алый —
то алый парус —

смешной в этом сумрачном мире.
Все слишком проза, мой друг, —

так, наверно, и надо,
нет ничего — только дождь и облезлые стены.
Уши свои наостригли дома и к Вселенной
тайно прислушались: будет за веру награда!
Ветер подует, и ливнем стихи вдруг польются
на опустевшие улицы, площадь, аптеку.
Только дома и поэты, их слыша, смеются!
Только дома и поэты, и так век от века!
Я только стебель, лишь стебель,

от ветра дрожащий.
Провод, гудящий меж небом

и хмурой землею.
Мне на ладони стихи прилетают все чаще:
ливнем, листвою, небесною теплой золою!

Одесса.

Татьяна ЯНКОВСКАЯ МОНОЛОГ ПЕДИКЮРШИ

Как обаятельны (для тех, кто понимает)

Все наши глупости и мелкие злодейства.

Булат Окуджава.

Здравствуйте, Танечка! Раздевайтесь, не сопротивляйтесь. Подождите, сейчас я с этой старухой быстро разделаюсь. Спрашиваете, как дела? Ну какие в Америке могут быть дела? Вот в Рашке были дела! Стоял в очереди за бананами, давали по два килограмма, а ты взял четыре — это дело! Туфли чехословацкие лакированные купила, только десять рублей переплатила — это дело! Апельсины без очереди взял, мясо с черного хода вынес — вот это все дела! А здесь что? Никаких дел. Скука.

Ирочка, привет! На стрижку к Тони пришла? Подожди, я тебе сейчас голову помою. Да как жизнь? Жисть — держись, упадешь — не подымут. Танечка, берите пока конфетку, чтоб в ротике было нескучно. Ира, ты что?! Крыша у тебя поехала? Чаевые она мне дает! Еще чего выдумала. Столько мне услуг сделала!

В Одессе у нас в парикмахерской большими буквами на стене было написано: "Позор тем, кто дает! Позор тем, кто берет!" А начальница наша — ну чисто комсомолка. А я ротатая, и все к ней приставала, чтоб вывеску эту снять. А она мне: "Ты тут нам, Фаина, устроишь вырванные годы!" А нам что эти чаевые? Копейки! Мы там деньги делали — покупали, продавали. Клиентура у нас была богатая, большие дела крутились.

Вот ювелир у меня был в Одессе хороший. Я покупала обручальные кольца — у меня девочки были знакомые в магазине для новобрачных, несла ему, и он такие кольца делал, такие серьги: с рубинами, с другими камнями — таких нигде не найдешь. Надену я серьги, кольцо, наведу марафет и иду к ювелирному магазину к открытию. А там уже очередь подою и как бы невзначай: "А что сегодня привезут? Что слышно?" А сама так волосы поправляю, воротник. Они все: "Ой, женщина, какое у вас кольцо красивое! Какие сережки! Продайте, а? Вы здесь живете, вы себе еще достанете, а мы специально приехали, неизвестно еще, что сегодня выкинут". А я: "Да нет, не могу, это такой дорогой гарнитур! Другой такой нигде не найдете". Ну, поломаюсь, цену понабиваю, а потом говорю: "Ну ладно уж, за хорошую цену уступлю". Деньги в карман — дело в шляпе. Вот так и крутились. Весело было жить.

У меня же квартира была шикарная, дачу снимала на Фонтане. Курортники приезжали, я оденусь, иду вся такая из себя — я-тебе-дам! Я же не крестьянка какая-нибудь. Европа! Вот мне здесь все говорят: "Зачем же ты приехала, если ты там так хорошо жила?" — "Да, — говорю, — нет ума — считай, калекка". Вот как клиентки наши, старухи эти — волос мало, а мозгов еще меньше.

А по воскресеньям в три часа утра к дому подходило такси. Я брала большой мешок, фонарик, надевала парик, и мы с девочками ехали на толчок. Мы шли по рядам, светили фонариком и покупали сапоги, купальники — всё. А утром продавали на двадцать — тридцать рублей дорож. Я брала только свой размер: если спросят — купила для себя, не подходит, принесла продавать. Лифчик покупала себе на пять размеров больше — специально, чтоб деньги складывать.

Один раз забрали в милицию. Начинают допрашивать, я время тяну. А тут два часа, у них пересменка. Мой милиционер сдает меня молодому: "Вот, закончишь тут со спекулянткой". Смотрю я на них — все они там пьют, тоже каждый смотрит, где урвать, я вынимаю десятку и говорю этому молодому: "Слушай, давай-ка, парень, ты меня не видел, не знаешь, покажи-ка, где тут у вас черный ход". Он как увидел десятку, аж затрясся. Пошел, незаметно вывел меня к задней двери, ну я и уткнула. И обратно на базар.

Куда вы в отпуск едете, Танечка? Мы тоже в прошлом году на острова ездили. Все включено. Чисто, конечно, и еда вкусная, но там ведь делать совсем нечего. Что я, пришла на

пляж — так мне скучно! И солнце так и жарит. Ну, я пошла в бассейн, там деревья, тень. Никого нет, а полотенца все разложили, места заняли. Смотрю, лежит дорогое полотенце, Валентино-шмалентино, значит, думаю, наши, из Рашки. Показать, что они за 50 — 60 долларов полотенце купить могут. Я взяла, скинула его и легла. Потом пришла одна — и правда, из наших — рот открыла. Так как она его открыла, так она его и закрыла. Всё! У меня разговор короткий.

Хорошо было отдыхать в Румынии. Там такое лечение! Только с едой плохо было. Но нас предупредили, мы взяли с собой сухую колбасу, шпроты. Там ведь на море не аппетит, а само летит. Кормили нас этой ихней кашей, мамалыгой. Семке нравилось. А потом придем на пляж, я сижу, как королева, кушаю шпроты прямо из банки. Другие смотрят — им завидно. Хотели оттуда в Одессу съездить, но не получилось, только в прошлом году, наконец, съездили.

Лису себе из Рашки привезла. Сема говорит: "Зачем она тебе?" А я: "Хочу, и все!" Мы были на круизе, так когда обратно из Одессы на корабле отплывали, нас так трясина на таможене! Одна говорит: "Мы хотим вам сделать личный досмотр". Ну, я, конечно, раскрыла рот: "Да что там досматривать? Вот, все видно в этих ваших мешках дырчавых!" А нам родственники чего-то там в авоськи положили по мелочи. А они все шуруют. "Да можете вы сказать, что вы там ищете?" — ору. А она мне: "Мы землю ищем?" — "Какую землю?! Вы что, офонарели?" А она мне — дескать, многие приезжают за родной землей, накопили и в мешочке увозят. Твою мать! Сколько буду жить, никогда такого не услышу. Землю они искали! А Сема потом говорит: "А все-таки они дернули банку черной икры". Родная земля, чтоб они провалились!

Мой отец был прекрасный маляр, его вся Одесса знала. Если у него бывала калымная работа (например, рублей триста), мне всегда 10 — 15 рублей перепладало. Было нас четверо детей, но он всегда почему-то меня выделял, может быть, потому что я такая же отморозенная, как и он. Он говорил: "Если не хочешь быть нищей, нужно быть аферисткой". А я все на ус мотала. Мне еще пятнадцати не было, я уже знала: не подмажешь — не поедешь. Папа меня часто с собой брал. Если клиенту скажет: пятьсот рублей, то всё. Четыреста пятьдесят, даже четыреста девяносто — нет. Такой у него вкус был! Приходили все на его работу смотреть. А он так встанет, руки на груди сложит и молчит, любитесь своей работой. Мне папа говорил: "Главное — знай себе цену. Будешь знать себе цену — все будут знать тебе цену. Как себя поставишь, так все и пойдет".

Вот Зиночка, моя подружка еще со школы. Когда она замуж выходила, свекровь очень ее не хотела, потому что она не из богатой семьи. Как будто в Одессе все миллионеры! Они все равно поженились, потому что парень очень ее любил. Свекровь знать ее не желала, они комнату где-то снимали. А когда у Зины дочка родилась, свекровь стала их звать к себе жить. Очень ей внучку хотелось, а от старшего сына внук был. Квартира была большая, Зина с мужем переехали. Свекровь со старшей невесткой сразу забыли, что только что волосы на голове друг другу рвали, объединились и стали над Зиной издеваться. Поедят все, гору грязной посуды оставят и ее заставляют мыть, все свои грязные тряпки несут ей стирать. В общем, как Золушка, она у них жила. Каждый день плакала, а слово сказать боялась.

Раз прихожу я к ней, а у нее вид — на море и обратно. Привела меня на кухню и показывает: все завалено кастрюлями, горшками, сковородками грязными, посуда навалена — это они ей все помыть оставили. Я ей говорю: "Слушай меня. Если ты хочешь, чтоб они тебя уважали, знаешь, что ты должна сделать? Ты должна им эти кастрюли на головы надеть!" Она перепугалась: "Они же меня убьют!" — "Не убьют. У тебя другого выхода нет. Хочешь жить, как человек, делай, как я скажу. Я сейчас выйду, пока они меня не увидели, а как они войдут, ты им все это на головы и надень". Ну, зашли они, рот на нее раскрыли, а она свекрови каза-

нок из-под жаркого на голову надела. А невестке — сковороду. Да еще взяла половник и стала по сковородке бить. А я стою под окном и хлопаю, как в театре, мне же все через окно видно. Так они такой крик подняли — весь двор сбежался. И мужья из комнат повыскакивали, стали в кухню ломиться. А я ей сказала: "Ты дверь закрой на крючок, чтоб никто не мог войти". Она так и сделала. Ну, взломали мужики дверь, в конце концов, ворвались — и не знают: или им смеяться, или что. У свекрови по лицу соус мясной течет, у невестки масло подгорелое, голоса обе. А на Зиночку сердиться тоже не могут: они ведь все знали, что она ангел, это я знала, что она идиотка. Понимают, что, видно, достали они ее. И что вы думаете? Они ей потом задницу целовали!

Мы когда в Нью-Йорк приехали, тут уже жила моя подруга Муся. Так она за меня хозяйку своему говорила. Звонит он мне по телефону. А у меня такой английский — с ним только на Брайтон. Я не знаю, что там он мне говорил, но я знаю, что я ему говорила. Когда он услышал, сколько я хочу, он стал смеяться. Сказал, чтобы я пришла. Прихожу. На мне весь наряд — десять долларов, но выглядит все хорошо. Брюки малиновые за колено, вот такой каблук, волосы кудрявые до плеч, жгучая брюнетка, так выглядела — я-тебе-дам! И так себя преподнесла, он мне сразу сказал: "Я вас беру". Сначала он взял меня на три дня в неделю, а уже через неделю сказал: "Я тебя хочу на пять дней в неделю". Конечно, я работаю быстро — пока Муся с одним клиентом возится, я троих делаю. И все довольные были.

Недавно Тони нас всех на свадьбу своей дочки пригласил. Я так оделась, так себя преподнесла — как будто я дочь графа Потоцкого. Впервые, костюм, мне его из Франции привезли. Черный, на юбке ниже колена нашита лиса в пять рядов, вот такой вырез фигурный, и я надела бриллиантовое кольцо вместо перлов, тоже фигурное, и кольцо. Это сет, гарнитур — шестнадцать тысяч стоило! И лису свою надела. Они все упали! Так что я им на всякий случай показала, что я такая, если они раньше не знали.

Однажды, давно уже, была я в Сан-Франциско на свадьбе. Столько там было красивых русских мальчиков! Я у подружки спрашиваю: "А где же девочки?" Она мне говорит: "Да они же все гомосеки!" Потом выпили, стали танцевать. Ну, сначала ничего не заметно, на еврейских свадьбах мужчины и так отдельно танцуют, а потом смотрю — мать моя! — разобралась по парам, обжимаются по углам. Я такого никогда не видела. И так мне страшно стало — а вдруг Леню моего сманят? Ему тогда шестнадцать лет было, он уже с девочкой встречался. Вернулась я в Нью-Йорк и говорю ему: "Леня, тебе Любочка нравится?" — "Да". — "А ты с ней спишь?" — "Нет". — "А почему?" Он так удивился. Говорит: "Мне ее некуда привести". — "В чем дело?" — говорю. — Приводи ее сюда!" Ну, он и привел. Я Лене сказала: "Со всеми не переспивай, но к этому нужно стремиться". Это ему так понравилось! Ну, а теперь — хо-хо! Ничего говорить не надо.

Потом я работала у одного голубого в салоне. Он хорошо ко мне относился. Стрижет бесподобно. Я к нему не хожу только потому, что он с меня денег не возьмет, а я так не хочу. Он у меня педикюр, маникюр делал, потом бикини стал делать. И дружки его стали ко мне ходить. Волосы с тела удаляли. Я их чистила, как курей! Мальчики они не бедные, хорошие типы мне оставляли. Другие девочки в салоне брезговали, а мне это чисто по барабану: мне деньги были нужны, у меня мальчики в школе учились. И как учились! Такие оба способные. Жора — тот тихий, а у Лени язык подвешен, как лопата, он если 95% за тест получит, уже недоволен и все с учителями спорит! Даже если 100% — и то бывал недоволен, требовал, чтобы с плюсом. И всегда добивался своего. Ну чисто отморозенный!

Они у меня такие грамотные все, аж противно. Газеты читают, как придут, так с Семкой начинают за политику говорить. Меня стыдят: "А ты почему новости не смотришь?" — "Зачем?" — говорю. — Все равно я им ничем по-

мочь не могу". — "И тебе не стыдно?" — "Мне? Стыдно? Обижаете! И что это вы тут мне партсобрание устраиваете?" — "Леня спрашивает: "А что такое партсобрание?" — "Пусть тебе отец объяснит, он в комсомоле был". А Семка: "Но в партии же не был!" — "Какая разница?" — говорю. А сама я и в комсомоле не была. Когда в девятом классе нас стали принимать, меня классная уговаривала — ты, мол, должна. А я говорю — ничего я никому не должна. Я уже тогда это твердо усвоила. "Но так ведь жить нельзя!" — "Можно, поверьте мне, Софья Борисовна. А собрания ихние меня не интересуют". — "Что же тебя интересует?" — "Пойти на толчок, за рубль купить, за три продать — вот это меня интересует". Она чуть не трохнулась: "Ты, Фаина, смотри, никому это не говори, с тобой никто дружить не будет". — "Не будут — так я переживу этот цорес!" — "Ш-ш-ш! Нельзя в школе такие слова говорить!"

Когда мы сюда ехали, Леня маленький был, четыре года, и ему все хочется — мороженое там, шоколад. А я говорю: "Мы в капиталистической стране, тут все должны деньги зарабатывать". А он у меня умел ушами двигать — и вверх-вниз, и взад-вперед, и вращать. У Жоры не было такого таланта. И вот мы на пляж придем, я ему волосы кудрявые уберу в косички, чтоб уши было видно, и говорю: "Ну, иди, покажи им цирк. К русским не подходи, только к итальянцам". Так он мне целый мешок мелочи приносил! И тогда мы идем на качели, на карусели, лимонад ему покупаю, конфеты. Так он до сих пор мне говорит: "Я все помню, как ты меня на преступление толкала, посылала ушами шевелить на пляже!" — "Какое же это преступление? У тебя же талант! Ты им цирк показывал, а за цирк надо платить". А что? За бесплатно папа маму не целует!

В Италии я Семку на работу устроила. Он работал сорок восемь часов в сутки. Днем в ателье, вечером дома. Он с собой швейную машинку привез. Наши же эмигранты все себе покупают, и кому ушить нужно, кому подкоротить. Я Семе говорю: "Ты только работай, а я буду цены назначать". Клиентов я ему легко находила. Смотрела: если одеты так себе, то одна цена, а если приходит такая вся из себя — я-тебе-дам! — то цена, конечно, выше. Они в крик: "Грабители! Три мили! Ну, две — еще куда не шло!" — "За две, — говорю, — идите к итальянцам. Они вам такую цену назначат, мало не покажется". Ну и куда им деваться: итальянцы-то с них двенадцать — четырнадцать миль возьмут, а тут три. У наших, конечно, денег мало, им каждая миля — деньги. Семе вроде неудобно, так я ему говорю: "Будешь даром работать, не буду при свете спать. А будешь деньги зарабатывать, то и при свете посплю". Так они там все Семку любили: "Ах, такой милый человек! А жена у него — ну просто грабительница!"

Одна у меня была знакомая, русская, муж у нее еврей. Так он первый в Америку уехал, а ее с ребенком оставил. Думал, наверное, что в Америке себе получше найдет. Ну, никого он не нашел и ее вызвал. Мы с ней вместе эмиграцию проходили. Она себе в Италии и любовника завела. Так и надо! Я ей сказала: он в сторону — и ты в сторону. Раз приехали мы с ней в Риме на Круглый рынок. Там же так все дешево было: куры там, мясо, я знаю? — двадцать копеек. Двадцать копеек, а я еще торгуюсь, она же торговаться не умеет. Ну, ходим мы так часа два, я ей все байки рассказываю. В паузах одесский мат вставляю, а иначе же никакого удовольствия! Потом остановились, а за нами стоит какая-то пожилая пара. И вдруг этот мужчина мне говорит: "Вы, конечно, из Одессы. Это ясно, тут и объяснять ничего не надо. Вот мы с женой уже два часа за вами ходим, слушаем. Вы так хорошо говорите!" Ну, я ему, конечно, выдала — это ж надо, без предупреждения ходили подслушивали! Потом мы с ним подружались. Они визы в Австралию ждали. Пока ждали, он всюду за мной ходил — и на пляж, и на пятючок, где по вечерам все русские собирались, записывал что-то в блокнотик. Я ему сказала — тут полно одесситов, идите их слушайте. А он говорит — нет, это все не то. Я не спросила, кто он по профессии — какое мне дело!

Так вы когда хотите снова прийти, Танечка? В среду? Конечно, можно! У нас все можно, даже то, что нельзя. Так я вас тогда на три часа забую!

США, Нью-Йорк.

Валерий ЮХИМОВ

какой новоросс
назовет баклажан — баклажаном,
где ссыльный коллежский
с внештатной delatrice жуанил,
оставившей память в его почеркушках,
и греческий профиль
дрожит над песчаной косой
каролино полетом дроздофил.

на траверзе отмель,
и нужно держаться мористей,
а берег — как спаржа на блюде,
до самого-самого истра,
на север начнутся обрывы,
баркасы, что ищут улова,
обрывы — как срезанный торт
с маяком крем-брюлова.

санжейка, жестянка,
на крыше гремит заржавейка,
когда поддувает норд-ост
и уносится узкоколейка,
и жена умбра в обвале
съедается охристым морем,
и пляж отступает под стену
и там погибает героем.

обрыв — что палитра
безумного имажиниста:
сиена, маджента,
оранжевый крупнозернистый...
краплагом прочерчены тени
и редкие здесь горожане,
которые к вечеру формой и цветом —
а-ля баклажаны.

...а можно было б выпить за герберы.
июльский вечер тенями со склонов
тянулся к морю, выбирая сети,
заброшенные в полдень на купальщиц,
неосторожно вышедших на берег
и тенью уподобившихся йети,

в специальном военморском пируэте
на траверзе сновал торпедный катер,
чтоб увильнуть от собственной торпеды,
цикад античный хор козлинорогий
откупорил прощальное спуманте,
и катер поглотило vinho verde,

мазнув помадой полосу на рейде.
шипение свернувшегося угля
при виде свежепойманной ставриды
предвосхищает славное застолье,
согласно мореходному поверью,
когда пунктир прочертят аквариды,

пролитые растяпой ганимедом.

Украина, Киев.

Сергей СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ

Перешутив, перегрустить

Одиссей сберег Одессу и предрек:
Проиграет одесситу эрудит!..
В катакомбах напевает паренек:
Он однажды фильмом "Жажд" удивит.

Сергей Сутулов-Катеринич, из поэзлады "Остров Скрытень".

Сказка о Золушке, Лебеде и Золотом Ключике

Золушка! Приснился Голливуд?..

Двор одесский дразнит резедой.
Бабушки легенду переврут, если ты окажешься звездой.
Русская — по матери... Отец славился цыганской бородой,
бражничал на ТЭЦ, ругая "КЭЦ",
праздновал гитарный разнобой.

А на Дерибасовской сто лет мальчик под каштаном ожидал.
Ты летала — мимо! — на балет.

Выпорхнула прямо на вокзал...

Мачехе ни слова. У отца новая в Чернобыле семья...
"Щукинка", и право отрицать мальчика, ковбоя, Щукаря.
Милая! На Ленинских горах Лебеда кормила лабудой...
Станет Велимиром вертопрах, если ты окажешься судьбой!

А на Дерибасовской — дожди.

Черная над Припятью теплынь.

Лгут пятиконечные вожди.

Рухнула в ковыль звезда Полынь...

Вольная невольница столиц, время прорицать и порицать,
милая кузнечиков и жриц, цербера казня и подлеца.
Буквица магических икон, красная пречистой простотой...
Сгинут Кот Базилио и К^О, если ты окажешься святой.

А на Дерибасовской — метель.

В Каннах фестивалит муженек...

Лирик очумелый — личный Лель? —

лучшую балладу перепек...

Ражий оператор прорычал:

"Время прозревать и презирать!..."

Правнуки кровавых янычар вырежут страницы "Кобзаря".

...Сказку рассказал, а был сумел

выменять на Ключик Золотой...

Высохнут чернила, вспыхнет мел,

если ты окажешься не той...

1978, 2008.

Поднебесные вести

Обстоятельства времени, памяти, совести
Навсегда исказят обстоятельства места...
Если в Омске с невестой навеки поссорились,
То, возможно, в Одессе возникнет невеста.
"Тили-тесто..." споют на Потемкинской лестнице...
Разрывая зубами сырые потемки,

Вы расскажете новой о прежней прелестнице,
И прожектор размножит ресниц окаемки.
Караулит прибой карнавалыные признаки.
Обстоятельства памяти море промоет.
На рассвете трезвеете: праздные призраки
Косяками уносятся в небо немое.
Обстоятельства места вручая грамматике,
Наплевав на подружку — предел совершенства,
Обстоятельства времени кроя по матери,
Впопыхах покидаете город блаженства.
Стюардесса поймет: "Обстоятельства совести..."
На мобильник кивнет: "Позвоните невесте..."
И сжимает рука пуповину бессонницы:
— Разбудил?! Расшифруй поднебесные вести...

2005, 16 — 17 августа.

Однажды, 20 лет спустя...

Тавтология — такой же бич Одессы,
как отравления питьевой водой.
Но ничего. Это тоже интересно.

Мы тут уже полюбили эти внезапности.
Такое ощущение, что события,
которых не было все эти годы,
собрались сейчас.
Дай бог нам пережить их без потерь.
Хотя каждый ходит приподнятый.

<...>

Читателям "Сорок пятой параллели":
"Читайте, усваивайте,
утоляйте бумажный голод!
Если мы сами не будем счастливы,
никто за нас этого не сделает".

Михаил Жванецкий, 1990.

Перешутить Одессу сложно,
Однако можно, ежели взмывать
Над Ришельевской и Таможней,
Но как ее... перелюбить?
Забыть Одессу невозможно,
Но как ее... перегрустить?!
Однажды вспомнишь непременно:
Перегрутив, перелюбить...
А для потомка — стих без лонжи:
Жванецкий, быть или не быть?!
Трамваи тренькают тревожно:
Перелюбив, перешутить...
Перешутив, перегрустить...
Переиначу осторожно:
Не перепеть, но перепить!
Забыть Одессу невозможно,
Как невозможно разлюбить!

2010.

Тебе, Марк Шкляр

Это аксиома: я — глупее многих.
Для тебя же боги жертвенный огонь

Зажигают молча в грустной синагоге,
И свеча алеет сквозь твою ладонь.
Ты живешь, наверно, так, что стыннут нервы —
Не согреет водка, не спасает спирт...
Но однажды ночью, словно почка вербы,
Вдруг очнется строчка, хотя Муза спит.
И уже не надо сумасшедшей бабы,
Не чернеют пальцы в смраде сигарет,
И к тебе — без стука! — полупьяный Бабель:
— Очень извините, у вас Бени нет?
Ты ему ответишь, что уже не вечер —
Жалует, конечно, пользуясь окном...
— Забредайте чаще! Место встречи — Вечность.
Заходите с Беней, а еще — с вином.
Ты торопишь гостя, вежливый предельно,
Потому что знаешь, слышишь по шагам:
На излете ночи, в этот понедельник,
В дом нагрнуть должен тезка — Марк Шагал.
Это априори: ты — счастливей многих.
Я — печальней многих. И — наоборот.
Мы шагаем оба не по той дороге —
Бражничают боги? Дюк Декарту врет?

1991, 2011

Бегство из Одессы

31 июля (12 августа) 1824 года Воронцова вручила Пушкину
перстень с сердоликом, крымско-караимского происхождения,
с еврейской надписью: "Симха, сын почтенного рабби Иосифа,
да будет благословенна его память".
Талисман должен был хранить Пушкина за границей,
куда он собрался бежать вместо того, чтобы ехать в Псков.

Не катит, не пляшет, не дышит строка,
Чугунной латынью немея...
Ты прожил, ты пропил, ты проклял срока
И сроки для уз Гименея.
Немедля сороки хвятились: "Мерси
За новость козырную эту!..."
И начали крыльями воздух месить,
Хвостами вращая планету.
"Карету — поэту!..." Кивнешь с облучка:
— Несите, залетки гнедые!
Сто верст поминаешь ожог посошка
И бархатный галстук на вые.
Впервые — Любовь: хоть святых выноси...
Прощайте, пустые забавы!
Позорно фасонить, постыдно форсить
И жаждать изнеженной славы.
Лукавый, ленивый, твои вечера
И ночи, как свечи, сгорали...
Бравада, Интрига, Крамола, Игра —
Четыре гетеры морали.
Орали цикады: "Предатель любви!
Рассеянный пасынок скифов!..."

Ты вечные рифмы на рифах ловил,
Крылатку, как парус, раскинув...

2003, 27 — 31 августа; 2012, 21 — 23 апреля.

Россия.

Все фотографии в номере Олега Владимировского.

Евгений ДЕМЕНОК

ВЕРИШЬ? НЕ ВЕРИШЬ?

или КРАЕВЕДЧЕСКАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ВЕНТИЛЯТОР. Вы никогда не задумывались о том, почему два слова, обозначающих совершенно разные приспособления: вентилятор и вентиль, — так похожи между собой? Все очень просто — их объединяет фамилия создателя. Нахум Вентиль, наш земляк, родившийся в Одессе и в зрелом возрасте эмигрировавший в Штаты, был музыкантом. Трубочом. Но, как известно, любой одессит талантлив во всем. Нахум Вентиль был незаурядным изобретателем. Сначала он изобрел... вентиль. Тот самый вентиль, без которого сегодня невозможно представить себе трубы, тубы и валторны и благодаря которому стало возможным принципиально иное изменение высоты звука медных духовых инструментов. Это, без сомнения, эпохальное изобретение превратило "медь" из натуральной в хроматическую, что позволило медным духовым занять то выдающееся положение в семье музыкальных инструментов, которое они по праву занимают сегодня. Переехав в середине XIX века в США, предприимчивый музыкант понял, что он может использовать свое изобретение не только в музыкальной, но и в инженерной области, и запатентовал "вентиль — клапан в трубопроводах, аппаратах, служащий для запора потока жидкости, пара, газа". Эксперименты с изменением напора воды — как ранее эксперименты с изменением высоты звука, привели Вентиля к новому неожиданному открытию. Изнывая от влажной летней жары в Новом Орлеане, он изобрел вентилятор, для вращения которого использовался напор воды, подаваемой по резиновому шлангу. Ну, а когда Томас Эдисон создал первый электрический прибор, вентилирующий (сейчас даже трудно поставить сюда другое слово) воздух, он отдал дань уважения нашему действительно выдающемуся земляку. Так Одесса вписала еще одну строку в книгу развития человечества.

ШПАРГАЛКА. Происхождением этого слова мы обязаны одесситке Галине Зикович. Уехав в Германию в конце Серебряного века (имеется в виду Серебряный век русской поэзии), она довольно быстро нашла хорошую работу — Галину приняли на должность кассира в одно из берлинских отделений Sparkasse, или, по-нашему, Сберегательного банка. Кассиром Галина, или Галка — именно так стали называть ее коллеги, была, как говорится, от Бога, а вот с немцами на первых порах было трудно. Для того чтобы объясняться с вкладчиками банка, находчивая Галка выписала на листок бумаги самые необходимые фразы, прикрепила его на стене рядом с собой и регулярно в него заглядывала. Сначала это раздражало клиентов, но обаяние и красота нашей соотечественницы растопили холодные сердца бюргеров. Вскоре они уже и сами подсказывали ей нужные фразы, а бумажку с подсказками стали называть "шпаргалкой" — в честь Галки, работающей в Шпаркассе. Необходимость в самой шпаргалке скоро отпала, но ставшую легендарной бумажку по просьбам клиентов оставили на месте даже после того, как Галина вышла на пенсию, а место ее занял другой кассир. Шпаргалка благополучно провисела в Шпаркассе почти до самого начала второй мировой войны.

ПОСТИЖЕР. Первая в мире постижерная мастерская открылась... правильно, в Одессе в самом начале XIX века, и хозяином ее был Георгий Костаки, а попросту — Жора. Собственно, изготавливать и продавать па-

рики начал он по воле случая, который вполне можно было бы назвать несчастным. Его возлюбленная, Мария Ираклиди, решила остричь свои роскошные длинные волосы. Остричь и продать их скупщикам волос, которые тогда, как и сейчас, делали из них парики и продавали менее волосатым представителям прекрасного пола. Безусловно, у нее была уважительная причина — однако она категорически отказывалась озвучить ее своему возлюбленному. Георгий, будучи любителем и категорическим сторонником длинных волос у девушек, не мог простить такого своей невесте. Потрясенный и разочарованный, он перестал с ней встречаться и всерьез подумывал о разрыве отношений. Мария, горячо любившая Жору, терпела, терпела, а потом не утерпела и прикрепила ночью на двери магазинчика модной одежды, в котором работал ее возлюбленный, записку с надписью: "Прости, Жор!" — и прядь своих роскошных волос. А так как дверь, как и сам магазинчик, находилась в самом центре тогдашней Одессы (собственно, кроме центра, тогда в Одессе почти ничего и не было), то наутро весь город гудел и сплетничал. Одни говорили, что Мария решила таким образом объявить о расставании с женихом. Другие — что она, наоборот, просит его о прощении. Ну а третья, самая многочисленная, группа горожан твердо была убеждена в том, что Георгий сам заставил невесту состричь волосы, чтобы изготовить из них парик и заработать на этом. Всеобщее возмущение и негодование принесло свои плоды — в лапку к Костаки стали тайком приходить женщины и предлагать ему купить свои волосы. Георгий сначала недоумевал, потом злился, а затем решил — а почему бы и нет? — попробовать себя в новом деле. И у него получилось. Вскоре он открыл свою мастерскую, к дверям которой прикрепил ту самую записку и прядь волос. А в устах дам, рекомендуя друг другу новый салон, это самое "Прости, Жор!" превратилось постепенно в постижера. Так появилась в Одессе первая постижерская мастерская.

Ну а Мария с Георгием таки помирились — оказалось, что девушка продала свои волосы, чтобы купить любимому серебряные часы, о которых он давно мечтал. Так что вскоре они поженились, и у них родились два замечательных сына, продолживших папино дело. Собственно, знаменитое одесское объявление "Куплю волосы дорого", которое можно увидеть у нас почти что на каждом столбе, — это уже их изобретение. Так рождалась первая одесская реклама.

ЦИРК-ШАПИТО. Этим привычным для нас названием мы обязаны... да-да, вновь одесситу. Звали этого сначала одессита, а после парижанина (хотя одесситов бывших не бывает) Саул Шапиро. Предприниматель, антрепренер и большой энтузиаст цирковых представлений, Шапиро первым выдвинул идею создания передвижного развлекательного цирка для поездок по городам и весям. В начале XIX века цирк находился в стадии становления, и именно появление шапито способствовало его быстрой популяризации. Да и антрепренер обычно зарабатывал приличные деньги. Первый цирк-шапито был установлен в конце 30-х годов XIX века на Елисейских полях и оттуда начал свое триумфальное шествие по планете. И назывался он поначалу... цирк Шапиро. Причиной изменения одной буквы послужил банальный антимитизм. Несмотря на объявленную Учредительным собранием Франции (благодаря

ря Наполеону) полную эмансипацию, под давлением религиозной части французского населения император пошел на попятную и вскоре принял так называемый "позорный указ", вновь ограничивший права евреев. Чутко улавливавший настроения населения Шапиро понял, что рискует остаться без заработка, а точнее, понести серьезные убытки, и принял компромиссное решение — изменить в названии всего одну букву. Коммерческий успех подтвердил правильность его предположений, и сегодня только заядлые любители цирка назовут вам фамилию создателя знаменитого шапито.

ВИНОГРАД ИЗАБЕЛЛА. По легенде (которая иногда называется научным фактом), сорт винограда Изабелла появился в Америке в начале XIX века путем скрещивания американского винограда *Vitis labrusca* и европейского винограда *Vitis vinifera*. В результате получилось растение, устойчивое к виноградной тле и холодам. Благодаря своим выдающимся свойствам Изабелла быстро распространилась в Европе. На территории бывшего СССР Изабелла прекрасно себя чувствует в Молдавии, Крыму, Азербайджане и Грузии. Ну и, разумеется, на наших одесских дачах. В энциклопедиях и справочниках мы можем прочесть о том, что именно на корнях Изабеллы в Европу "приехала" виноградная тля; о том, что в винах, сделанных из винограда сорта Изабелла, — слишком высокое содержание метанола, и еще много другой важной и нужной информации. Не найдем мы только одного — откуда появилось само название. А было так. Уехавшие из Одессы в Америку супруги Исаак и Белла Маламуд нашли на новой родине свое призвание — они стали выращивать виноград. И добились в своем деле не только материального успеха, но и уважения специалистов. В первую очередь — благодаря выведению новых перспективных сортов. Поэтому, когда после многочисленных экспериментов Маламудам удалось вывести новый плодovitый сорт, сочетающий в себе лучшие характеристики европейского и американского винограда, мнение о том, что его нужно назвать в честь изобретателей, было единодушным. Так Изз и Белла вошли в историю.

Кстати, в Грузии этот сорт черного винограда зовется "Одесса". Как мы теперь знаем, не случайно.

ТАКСИ. Слово "такси" применительно к автомобилю, перевозящему пассажиров за плату, впервые было произнесено в Южной Пальмире. То бишь в Одессе. Произнес его выпускник Немировской иешивы Зиновий Когутяк, после многих лет работы в Италии решивший вернуться и завести дело на родине. Когутяк был достоин масштаба, он его хотел, а какой в Немирове масштаб? Сами понимаете. Зиновий выбрал ближайший к малой родине торговый и промышленный центр — Одессу, бывшую тогда третьим городом в Российской империи после Санкт-Петербурга и Москвы. Поначалу Когутяк устроился приказчиком в магазин часов известного в Одессе часового мастера Баржанского, но душа его тянулась к прогрессу. Зиновий мечтал об автомобиле, недавно появившемся в Европе. Но купить его в те времена было неслыханной и невозможной роскошью. И тогда на выручку пришла смекалка. Если для себя автомобиль — роскошь, то почему не сделать с ним бизнес, заменив привычные конные экипажи? Взяв немалый кредит, Зиновий приобрел предназначенный

для пассажирских перевозок омнибус, созданный Карлом Бенцем, смотреть на который сбегаются не только местные мальчишки, но и публика постарше. Теперь нужно было как-то выделить автомобиль, чтобы всем было понятно его предназначение — перевозка пассажиров за плату. И тут на помощь пришло увлечение Когутяка шашками. Зиновий придумал гениальный маркетинговый ход — он предлагал всем желающим перед началом поездки сыграть с ним партию в шашки. Если пассажир выигрывал, то Зиновий вез его бесплатно. Правда, такого практически никогда не случалось — недаром Когутяк выигрывал все шашечные чемпионаты в Немирове. Тем не менее, сам шанс проехать бесплатно привлекал все новых и новых желающих, и чрезвычайно высокая стоимость проезда воспринималась уже не так болезненно — все-таки сам виноват, нужно было выигрывать. Вскоре Зиновий попросту прикрепил шахматную доску к крыше авто, сделав ее своим фирменным знаком. Отсюда шашечки на сегодняшних такси. Но и этого показалось мало неугомонному предпринимателю. Он решил покрасить автомобиль в яркий цвет, причем не в один. Помните знаменитый одесский анекдот о покраске корабля? "Рабинович — с одной стороны, Черноморское пароходство — с другой стороны обязуются покрасить пароход..." То ли подобные идеи попросту витают в одесском воздухе, то ли Рабинович был дальним потомком Когутяка — так или иначе, произошло то, что произошло. Зиновий покрасил автомобиль в два цвета — с одной стороны он стал красным, с другой — ярко-зеленым. Эту идею у него позаимствовали французы — позже компания "Рено" запустила серийный выпуск автомобилей-такси именно красного и ярко-зеленого цветов.

А вскоре произошло историческое событие, и автомобиль Когутяка, а вслед за ним и все такого рода автомобили в мире обрели свое название. В Одессу приехал немецкий изобретатель Вильгельм Брюн. В первый же вечер он увидел чудо-омнибус Когутяка и страстно захотел на нем прокатиться. Разумеется, сыграл с Зиновием партию в шашки, разумеется, проиграл и заплатил за поездку по Ришельевской кругленькую сумму. Но перед этим случился маленький забавный эпизод. Подойдя к Зиновию, довольно восседавшему на водительском сиденье, Брюн спросил по-немецки, можно ли прокатиться на автомобиле. Растерявшийся Зиновий, перевизивший в основном соотечественников и не знавший немецкого, вдруг ответил по-украински: "Так!" А потом, спохватившись, добавил: "Си!" Годы жизни в Италии сделали свое дело. Вильгельм Брюн до конца своих дней был убежден в том, что автомобиль Когутяка назывался именно такси. Вернувшись домой, Брюн изобрел прибор, позволявший определять стоимость поездки в зависимости от ее расстояния, и назвал его "таксометр". Таксометр моментально распространился по Европе, и вскоре английские, французские, немецкие и итальянские таксисты были вынуждены умерить свои аппетиты и установить единую цену на проезд. И лишь один человек в Европе пользовался привилегией устанавливать свою цену. Это был, как вы догадались, Зиновий Когутяк. Дальнейшие одесские следы его теряются — одни говорят, что он уехал в Германию, где работал личным помощником Карла Бенца, а затем Вильгельма Майбаха, продолжая восхищать всех своими маркетинговыми идеями. Говорят еще, что это именно Когутяк предложил назвать новый "Даймлер-Бенц" именем дочки австрийского консула Эмилия Эллинека Мерседес, с которой очень сдружился. По другой версии, Зиновий вернулся в Италию и помогал "отцу" компании FIAT Джованни Аньелли: именно по совету Когутяка автомобили FIAT стали разноцветными — в отличие от однообразных авто Генри Форда.

Собственно, это уже неважно. Великие люди часто делают великие дела незаметно, но блага этих дел невозможно переоценить.

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:
www.odessitclub.org

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067 48 03 705).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 500. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68 www.odessitclub.org.